

Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами генералиссимус Сталин

М. А. Гареев*

Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953 гг.)

Руководитель Коммунистической партии и Советского государства, один из выдающихся деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Участник Революции 1905–1907 гг., Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК партии, с мая 1941 г. одновременно председатель СНК (с 1946 г. — Совет Министров) СССР.

С началом Великой Отечественной войны с 30 июня 1941 г. председатель ГКО (до 4 сентября 1945 г.); с 23 июня вошел в состав Ставки Главного командования, с 10 июля 1941 г. возглавил Ставку Верховного командования; с 19 июля нарком обороны (до марта 1947 г.); с 8 августа 1941 г. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР (до сентября 1945 года). Генералиссимус Советского Союза (1945 г.)

Как всякий прозорливый человек, о своей судьбе И. В. Сталин после возвращения с Тегеранской конференции в 1943 г. говорил: «...Я знаю, что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет»¹. Действительно, в известном докладе Н. С. Хрущева в 1956 г. и особенно в последние 15 лет помой лились на Сталина сплошным мутным потоком и сказать о нем что-то объективно было не просто.

Некоторые тарелкины² периода «оттепели» и «перестройки» с подачи Н. С. Хрущева и других ниспровергателей нашей истории неустанно тиражировали версию, что Сталин с началом войны растерялся и отошел от дел и будто бы членам Политбюро ЦК ВКП(б) с трудом удалось

уговорить его вернуться к своим обязанностям. Так, Э. С. Радзинский, выступая по телевидению 13 и 14 марта 1997 г., утверждал, что с началом войны «Сталин бежал из Кремля... Я проверил по журналу посетителей. Все так: целых три дня Сталин отсутствовал в своем кабинете»³.

В связи с этим в конце статьи еще раз приводим записи кремлевской охраны за период с 22 по 28 июня 1941 года, из которых видно, когда и с кем встречался Сталин в первую неделю войны и становится очевидной ложь упомянутых выше утверждений. И таких заведомо лживых «уток» запущено немало, и они продолжают летать, несмотря на то, что неопровержимые исторические факты их опровергают.

Мало пользы принесли и публикации, рассчитанные на идеализацию и искусственное

* **Махмут Ахметович Гареев** — генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, президент Академии военных наук РФ.

обожествление Сталина, умалчивающие о его просчетах и упущениях.

Кое-кто сегодня ставит под сомнение и пытается даже оправдать жестокие репрессии 30-х годов, особенно тяжело сказавшиеся на военных кадрах. Но когда-то раз и навсегда всему обществу, независимо от политических пристрастий, нужно твердо и определенно сказать: необоснованные репрессии ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы. Но говорить об этом нужно честно, без перехлестов в обратную сторону, когда в последнее время любой человек, подвергшийся в те годы аресту, изображается невинной жертвой сталинских репрессий. Как будто в то время в действительности не было никаких шпионов, вредителей, воров, бандитов. Речь не идет о невинно пострадавших людях (о них уже сказано), но каждое государство живет по своим законам и призвано оберегать свою безопасность.

События начала 90-х годов XX в. опровергли и наивные возгласы: «Разве могло быть до войны столько предателей и врагов народа?» На примере некоторых высокопоставленных партийных функционеров в 1991 г. можно было видеть, что их оказалось еще больше, чем предполагали органы госбезопасности, которые иногда занимались поиском блох, где их нет, и не разглядели многих подлинных, наиболее опасных и одиозных противников Советского государства. Представьте себе, как можно было бы воевать на советско-германском фронте, если бы СМИ и диссиденты в 1941 г. развернули такую же свистопляску, как во время первой чеченской войны 1994–1995 гг., призывая солдат не воевать.

Ясно одно, что и при освещении роли Сталина во время Великой Отечественной войны нужен более объективный, взвешенный подход с учетом всей неоднозначности и суровости того времени, сложности и противоречивости личности Сталина.

В данном очерке имеется в виду именно такой подход к рассмотрению деятельности И. В. Сталина во время войны как Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами. Для этого недостаточно делать ссылки на те или иные, пусть самые авторитетные высказывания. Нужен объективный, критический анализ того, в каких условиях он решал свои задачи, какие стояли задачи перед государством и как они были выполнены под его руководством. О любой исторической личности можно объективно судить только «по сухому остатку» от всей его деятельности.

Деятельность Сталина по подготовке страны к обороне

Руководителю государства было необходимо, прежде всего создать благоприятные внешнеполитические условия для обороны страны.

Эту задачу пришлось решать в невероятно сложных условиях. Суть в том, что весь капиталистический мир должен был объединиться в борьбе против Советского Союза, чтобы уничтожить первое в мире социалистическое государство. С этой целью в 1938 г. было заключено и Мюнхенское соглашение, рассчитанное на подталкивание Гитлера к нападению на СССР. Если бы эти планы не удалось расстроить политико-дипломатическими средствами, реальных шансов на спасение не было. Большую опасность представляло возможное выступление Японии против СССР с перспективой ведения одновременной войны на Западе и на Востоке.

Но Сталину и Молотову путем заключения договоров о ненападении с Германией в 1939 г. и нейтралитете с Японией удалось расколоть единый антисоветский фронт потенциальных противников и добиться того, что западные страны, толкавшие Гитлера на Восток, впоследствии сами вынуждены были выступить на стороне Советского Союза. Наша страна получила возможность разделаться вначале с фашистской Германией, а затем с Японией. Кое-что сделал Сталин и для того, чтобы ускорить вступление США во Вторую мировую войну в декабре 1941 г., в чем, кстати, помогал и Черчилль, скрыв от Рузвельта появившиеся у него данные о подготовке Японии к нападению на Перл Харбор.

Создание антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны было величайшей дипломатической победой, отвечающей интересам не только нашей страны, но и всего международного сообщества, во многом предопределившим течение и исход войны. Конечно, этому способствовали и некоторые объективные международные обстоятельства, но факт остается фактом: Советскому Союзу удалось вырваться из кольца враждебного окружения. Когда В. Резун в «Ледоколе», и некоторые историки задним числом протаскивают версию о том, что Сталин готовился первым напасть на Германию, а Гитлер просто упредил его, они не учитывают именно это обстоятельство. Сталин ни при каких обстоятельствах не мог пойти на такое, ибо СССР тогда мог остаться в полной международной изоляции, что было бы для нашей страны самоубийственным шагом. Тем

более, что ему было известно и намерение Рузвельта выступить на стороне Германии, если СССР первым начнет войну.

Обвинения Сталина в заключении пакта о ненападении с Германией, освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины, вводе войск в Прибалтийские страны также являются недостаточно обоснованными. Перед большой войной это было вызвано и серьезными геополитическими интересами: нельзя было дать возможности фашистам захватить огромные территории и превратить их в выгодный плацдарм для нападения на нашу страну.

В 20-е и 30-е годы правительство Польши проводило враждебную антисоветскую политику и в сговоре с Гитлером вынашивало планы захвата части Украины. Заключение в 1934 г. польско-германской декларации даже в западной историографии считается первой брешью, пробитой в деле создания системы коллективной безопасности в Европе и, в частности, в системе восточно-европейских союзов Франции. Правители Польши вместе с Германией участвовали в разделе Чехословакии и, в конечном счете, своей авантюристской политикой привели польский народ к катастрофе 1939 года.

В 1939 году, в условиях, когда польское правительство уже начало покидать территорию своей страны, бросив на произвол судьбы населявшие ее народы, было совершенно естественным стремление Советского Союза прийти на помощь белорусскому и украинскому народам и помочь им в национальном воссоединении. Тем более, что эти территории были незаконно отторгнуты от СССР в результате польской агрессии в 1920 г. Ввод советских войск на эти территории диктовался также необходимостью поддержания элементарного порядка и обеспечения безопасности населения. Польское население начало создавать отряды «гражданской обороны». Украинцы и белорусы в ответ на это вооружались против поляков. Обстановка дестабилизировалась и многочисленными бандами, которые засылались абвером. Появление советских войск предотвратило гражданскую войну в этих областях.

Поход Советской Армии в Западную Белоруссию и на Западную Украину был предпринят только после того, когда стало очевидным окончательное поражение Польши. Польский историк В. Т. Ковальский в книге «Последний год Европы» справедливо отмечает, что «Польша не могла уже ни воспрепятствовать захвату

этих земель немцами, ни позднее освободить эти территории, если бы их заняла Германия»⁴.

Бывший британский премьер-министр Ллойд Джордж 28 сентября 1939 г. писал польскому послу в Лондоне: «русские армии вошли на территории, которые не являются польскими и которые были аннексированы Польшей силой после Первой мировой войны... Различие между двумя событиями (т. е. германским нападением на Польшу и вводом советских войск. — М. Г.) становится все более очевидным для британского и французского общественного мнения. Было бы преступным безумием ставить их на одну доску»⁵.

Примерно так оценивали эту акцию Советского Союза и другие трезвомыслящие государственные деятели. Так, У. Черчилль даже в период наиболее напряженных советско-британских отношений 1 октября 1939 г. в своем выступлении по радио говорил: «... То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть»⁶.

Можно еще раз выразить сожаление и осуждение действий советского руководства, которое после начала германо-польской войны высказывало совершенно недопустимые оценки по отношению к польскому государству. Но хорошо известно и то, что они в последующем были решительно исправлены.

США в 1942 г. высадились в Марокко, не спросив разрешения ни у марокканского султана, ни у правительства Виши, с которым они поддерживали дипломатические отношения. Американское командование оправдывало это соображениями обеспечения скрытности и внезапности действий, чтобы упредить возможные контрмеры противника и уменьшить потери своих войск. И сегодня американцы, где хотят, там и высаживаются.

Когда в 1941 г. возникла угроза проникновения фашистских сил в Иран, Англия и СССР (стратегически вполне оправданно) договорились о вводе своих войск на территорию Ирана. В противном случае наносился бы большой ущерб общим интересам антигитлеровской коалиции. Много было и других подобных действий, которые в ряде случаев носили вынужденный характер и были вызваны интересами достижения победы над противником. Разговоры

о «секретных протоколах» к договору 1939 г. рассчитаны на не осведомленных людей. В них нет ничего небывалого.

Секретные переговоры с заключением соответствующих соглашений велись между Англией и Германией. Польско-английский договор от 25 августа 1939 г. также имел секретное приложение, в котором, в частности, Литва объявлялась принадлежащей сфере интересов Польши, а Бельгия и Голландия — Великобритании⁷. Латвия и Эстония в августе 1938 г. подписали секретные соглашения о гарантиях их границ с Германией. Сталина обличают в заключении тайных «аморальных» секретных протоколов с Гитлером, об установлении сфер влияния в Восточной Европе, но при этом забывают о тайных соглашениях с Рузвельтом и Черчиллем о разделе Европы в Ялте и с Трумэнном в Потсдаме в 1945 г., которые предопределили послевоенное устройство мира. Двойные стандарты не сегодня родились. До сих пор действуют секретные дополнения к американо-японскому договору о безопасности 1951 г. и т. д.

Таким образом, выявленные на сегодняшний день документы и известные факты, в том числе приведенные на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками, говорят о том, что главным виновником развязывания Второй мировой войны является империализм и порожденный им фашизм во главе с Гитлером, захвативший власть в Германии.

Руководителям Англии, Франции, Польши и Чехословакии не удалось предотвратить мировую войну или хотя бы локализовать ее масштабы. По существу они предали интересы своих народов и помогли фашистам свергнуть мир в пучину жесточайшей войны. Невозможно объяснить и тем более оправдать игнорирование того очевидного факта, что фашизм угрожал всему человечеству, в том числе и странам Запада.

Что касается Советского Союза, то исторические факты говорят о том, что он в целом стоял на миролюбивых позициях. Как известно, XVIII съезд ВКП(б) в 1939 г. вновь подтвердил установку: соблюдать осторожность и не давать втянуть в военные конфликты нашу страну. Советское правительство не всегда последовательно и умело, но в целом настойчиво проводило политику, направленную на предотвращение войны. Объективно внешняя политика СССР отвечала жизненным интересам советского народа и других народов. Поэтому утверждения о равной ответственности за развязывание вой-

ны Гитлера и Сталина и тем более о виновности в этом СССР являются необоснованными и несостоятельными.

Умело отстаивал Сталин государственные интересы нашей страны и во время войны, в том числе в ходе Тегеранских, Ялтинских, Потсдамских переговоров. Оперативно откликался на просьбы союзников во время Арденнского сражения в 1945 г., когда Советская Армия на две недели раньше намеченного срока начала Висло-Одерскую наступательную операцию, твердо выдержал Сталин свои обязательства по вопросу вступления СССР в войну против Японии в 1945 г. и в ряде других случаев. В целом, Сталин внес большой политико-дипломатический вклад в дело достижения победы во Второй мировой войне и для мобилизации сил и средств своей страны и союзных государств для отпора фашизму.

Вторая главнейшая задача руководителя Советского государства состояла в том, чтобы создать экономические, индустриальные и технические основы для обороны страны.

Не нужно забывать, в какой неимоверной отсталости и разрухе оказалась Россия после Первой мировой и Гражданской войн. Сталин говорил, что мы отстали от передовых капиталистических стран на 100 лет. Или мы пробежим это расстояние за 10 лет, или нас сомнут.

Положение усугублялось тем, что фашистская Германия, разгромив в короткие сроки Францию, экспедиционный корпус Англии и другие Западно-Европейские страны, захватила значительную часть Европы, поставив на службу своим целям все ее экономические, людские и технические ресурсы. В распоряжении вермахта оказалась военная техника и материальные запасы 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 12 английских, 6 норвежских дивизий; 92 немецкие дивизии были оснащены трофейной, преимущественно французской автомобильной техникой. Только во Франции было захвачено 3 тыс. самолетов и свыше 3,5 тыс. танков. Всего в 11 оккупированных странах было захвачено военной техники на 150 дивизий. Вся Западная и Восточная Европа с ее мощной экономикой и 350 миллионным населением работала на фашистскую Германию.

Все экономические ресурсы и внутренняя жизнь Германии были подчинены интересам ведения войны. Военное производство в Германии с 1934 г. по 1940 г. увеличилось в 22 раза;

58% национального дохода было обращено на военные нужды⁸.

Война, которую готовил против Советской страны германский фашизм, была необычной. Речь шла не о завоевании или удержании отдельных спорных территорий или колоний, как это было в Первую мировую войну, а о полном уничтожении Советского государства, массовом истреблении народов СССР. Как говорил И. В. Сталин, речь шла о жизни и смерти нашей страны и ее народов.

Гитлер планировал лишить восточные народы «какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». «Наш руководящий принцип, — говорил он, — должен заключаться в том, что эти народы имеют только одно единственное оправдание для своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении»⁹. В последующем, уже с началом войны (в конце 1941 г.) гитлеровские планы порабощения и истребления «восточных народов» были конкретизированы в генеральном плане «Ост», разработанном главным управлением имперской безопасности. Генеральный план «Ост» предусматривал выселение около 31 млн человек с оккупированных территорий Польши и западной части Советского Союза (80–85% польского населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Литвы, Латвии, Эстонии) и размещение на этих землях 10 млн немцев, а в Прибалтику планировалось переселить датчан, норвежцев, голландцев и англичан.

При последующих уточнениях плана говорилось об уничтожении 46–56 млн человек. В целом план «Ост» предусматривал уничтожение в течение 25–30 лет 120–140 млн человек в Польше и в Советском Союзе. Остальную часть населения предполагалось онемечить путем проведения ряда специальных мероприятий. «Восточное министерство» уточняло, что по отношению к русскому народу «речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»¹⁰.

Все это и предопределяло особо непримиримый и ожесточенный характер войны. В свете этого нетрудно понять всю безответственность и кощунственность утверждений о том, что победа фашизма не была бы чем-то роковым для СССР, поскольку фашизм освободил бы нас от сталинизма.

В свете всего этого, рассуждения Г. Х. Попова и других ультралибералов о том, что власовцы и другие предатели боролись против сталинского режима, разглагольствования украинских и прибалтийских националистов, бывших бендеровцев и эсэсовцев о том, что они сражались на стороне фашистов ради завоевания независимости для своих стран или «новую Россию» совершенно не состоятельны. Ибо, согласно упомянутым выше планам, Гитлер планировал создание германских протекторатов в Польше, Прибалтике, Украине и не предусматривал создание каких-либо самостоятельных государств — даже для России.

В соответствии с этим, в плане войны против Советского Союза (план «Барбаросса»), изложенном в директиве Верховного Главнокомандования Германии № 21 от 18 декабря 1940 г., указывалось: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»¹¹.

План «Барбаросса» предусматривал: внезапный переход в наступление заранее отобилизованными и развернутыми группировками крупных масс танков, пехоты, артиллерии и авиации, одновременное нанесение мощных и глубоких ударов на ленинградском, московском и киевском стратегических направлениях, с сосредоточением основных усилий на московском направлении.

К лету 1941 г. вооруженные силы Германии насчитывали 8,5 млн человек (в том числе 1,2 млн человек вольнонаемного состава) и по общей численности превосходили советские вооруженные силы в 1,6 раза. Сухопутные войска (5,2 млн человек) имели в своем составе 214 дивизий, в том числе 35 танковых и моторизованных, 5640 танков и штурмовых орудий, 77 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. боевых самолетов, 217 боевых кораблей, в том числе 161 подводную лодку.

Для нападения на СССР фашистская Германия вместе со своими сателлитами сосредоточила группировку вооруженных сил, насчитывавшую 5,5 млн человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, в том числе 2800 тяжелых и средних, 47,2 орудий и минометов, около 5 тыс. боевых самолетов и 190 боевых кораблей. К июню 1941 г. фашистское командование завершило стратегическое развертывание вооруженных сил вдоль границ Советского Союза, создав три группы армий.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо было противостоять очень сильному и коварному противнику. При оценке степени подготовленности к войне СССР в последнее время получили распространение две версии. Одни авторы полагают, что Советский Союз к войне серьезно не готовился и не был готов к ней. Другие, наоборот, утверждают, что вся жизнь советского государства была подчинена только одной цели — подготовке к войне, но осуществлялась она плохо, бестолково, ошибки в оборонном строительстве и репрессии свели на нет достигнутое в этой области и поэтому не удалось по-настоящему подготовиться к войне.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что обе эти точки зрения страдают односторонностью и недостаточно объективно отвечают на главный вопрос: почему, в отличие от Англии и Франции в 1940 г., СССР удалось выстоять в 1941 году. Говорить о том, что Сталин преступно не подготовил страну к обороне просто не серьезно.

Правда состоит в том, что на протяжении всей своей истории Советское государство относилось к обороне страны с исключительной серьезностью и ответственностью как к одной из важнейших первоочередных задач. Советское государство проявляло постоянную заботу об укреплении обороны страны и боеспособности Вооруженных Сил. Вместе с тем задачи обороны не превращались в самоцель, не приобретали самодовлеющее значение.

После Гражданской войны интересы восстановления разрушенного народного хозяйства и строительства социализма потребовали сокращения Советской Армии и флота (с 5,5 млн до 0,5 млн человек). И в 30-е годы советские военные мероприятия были довольно сдержанными. Только в 1939 г. Красная Армия перешла на кадровую систему. Общая численность Советских Вооруженных Сил к этому времени составляла 1,9 млн человек. Все это время основные усилия государства направлялись на создание индустриальной, научно-технической и в целом экономической базы страны. Нельзя забывать о том, что некоторых важнейших отраслей промышленности вообще не было, в том числе танковой, авиационной, автомобильной, станкостроительной, приборостроительной. Их приходилось создавать заново, практически без всякой помощи извне. Особое значение придавалось обеспечению экономической самостоятельности страны, особенно в области военного производства.

Несмотря на большую отсталость страны и огромные трудности, благодаря героическим усилиям народа, прежде всего — рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции — в короткий срок была в основном осуществлена индустриализация страны. К 1941 г. Советское государство сумело создать материально-техническую базу, обеспечившую массовое производство вооружения и военной техники в предвоенные годы и во время войны.

Валовая продукция промышленности СССР к 1941 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в 7,7 раза, производство средств производства — в 13,4, машиностроения и металлообработки — в 30, энерговооруженность труда — в 5 раз. По выпуску валовой продукции машиностроения, добыче нефти и производству тракторов СССР занял первое место в Европе и третье место в мире; по добыче угля, производству цемента — третье место в Европе.

В 1940 г. в Советском Союзе было произведено 14,9 млн тонн чугуна (в 3,5 раза больше, чем в 1913 г.), 18,3 млн тонн стали (в 4,3 раза больше), 166 млн тонн каменного угля (в 5,7 раза больше), нефти 31,1 млн тонн (в 3 раза больше), производилось электроэнергия 48,6 млрд кВт/ч)¹².

Для повышения живучести экономики на случай войны особое значение придавалось ускоренному развитию промышленности в восточных районах. В 1940 г. удельный вес восточных районов в производстве важнейших видов продукции составил 25–30% общесоюзного производства. В конце 1937 г. был принят план научно-исследовательских и конструкторских работ, согласно которому главной задачей ставилось создание новых образцов и модернизация наиболее перспективных видов оружия; На ведущих оборонных предприятиях создавались конструкторские бюро и опытные цеха. Это позволило ускорить разработку новых образцов боевой техники, танков: Т-34 и КВ, самолетов Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2, 85-миллиметровых зенитных орудий и других новых видов оружия.

Что бы сегодня ни говорили, в предвоенные годы, в целом, был сделан огромный скачок в индустриальном развитии страны и укреплении ее мощи. Достаточно вспомнить, что в 1928 г. в Красной Армии было всего лишь 200 танков и бронемашин, 1000 самолетов устаревших конструкций, 350 грузовых машин, противотанковой и зенитной артиллерии вообще не было. Причем Сталин лично основательно вникал

в основные вопросы создания нового оружия и технического оснащения Красной Армии.

И все же, в целом, экономический и военный потенциал Германии, с учетом ресурсов оккупированных территорий значительной части Европы, существенно превосходил потенциал Советского Союза (по производству угля — в 2,5 раза, стали — в 1,5 раза, чугуна — в 1,3 раза). К тому же промышленность Германии была полностью переключена на военные нужды и осуществляла массовое производство оружия и техники новейшей модификации.

Это военно-экономическое неравенство Советского Союза усугубилось крайне неудачным началом войны, в чем большая вина Сталина и о чем еще будет идти речь. Достаточно сказать, что к ноябрю 1941 года наша страна потеряла на оккупированной противником территории 63% добываемого угля, 58% стали и 60% алюминия. Летом 1942 г. в результате отступления советских войск на юге потери в народном хозяйстве еще больше возросли. Несмотря ни на что, промышленность СССР 1942 года произвела 12 тыс. полевых орудий (калибра 75-мм и крупнее), 9,3 тыс. танков и 14,7 тыс. самолетов. И в последующем в ходе всей войны советская промышленность выпускала основных видов орудия больше, чем фашистская Германия, которая располагала значительно большими военно-экономическими ресурсами.

Но все это стало возможным благодаря тому, что экономические основы нашей победы были заложены еще до войны.

Такой же объективной оценки требуют и допущенные ошибки с перестройкой народного хозяйства накануне войны, которые не позволили в полной мере реализовать имевшиеся у СССР потенциальные возможности в начальный период войны.

Оборонная промышленность, транспортные, авиационные, автомобильные и другие предприятия не имели даже утвержденного правительством мобилизационного плана на 1941 год. Многие оборонные производственные задачи решались распорядительным порядком. Правительством и Наркоматом обороны не были в полной мере учтены нужды мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, потребности оснащения оружием и военной техникой вновь формируемых соединений и частей.

Имеющиеся производственные возможности промышленности не были своевременно переключены для увеличения выпуска вооружения и военной техники. Задача перестройки промыш-

ленности на массовое производство военной продукции осложнялась тем, что в этот переломный период развития военной техники требовалось не просто увеличивать ее производство, а перейти на производство новых образцов вооружения, особенно бронетанковой и авиационной техники.

К концу 30-х годов значительная часть танкового парка оказалась устарелой. К 1939 г. были созданы лучшие к тому времени танки Т-34 и КВ. Но их производство только началось. В 1940 г. и первой половине 1941 г. промышленности удалось выпустить всего 636 танков КВ и 1225 Т-34. Примерно такое же положение было с авиационной техникой. Самолеты И-153 и И-16 устарели и значительно уступали немецким.

А серийное производство скоростных самолетов-истребителей Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, бомбардировщиков Пе-2, штурмовика Ил-2 началось лишь в 1941 г. К началу войны из всей авиационной техники на новую приходилось только 17,3%.

Недостаточно производилось пушечной (преобладали гаубицы), противотанковой и зенитной артиллерии. Не удовлетворялись полностью нужды армии в боеприпасах, потребности в которых в ходе военных действий оказались значительно большими, чем предполагалось.

Все это особенно тяжело дало о себе знать в начале войны, когда многие войсковые склады в приграничной зоне в первые же дни военных действий были захвачены противником и планы от мобилизации армии сорваны.

С началом Второй мировой войны и особенно после поражения Франции в 1940 г. Советский Союз был вынужден принять меры и к увеличению численности своих Вооруженных Сил. За короткий срок (с 1939 г. до июня 1941 г.) численность Советских Вооруженных Сил была увеличена с 2 млн до 5 млн человек. (В Сухопутных войсках и войсках ПВО — свыше 4,5 млн, в ВВС — 476 тыс., в ВМФ — 344 тыс. человек). На их вооружении состояло 67 тыс. орудий и минометов, 1860 новых танков и свыше 2700 боевых самолетов новых типов. Кроме того, имелось большое количество танков и боевых самолетов устаревших типов и со значительно израсходованными моторесурсами.

В составе ВМФ имелось 276 боевых кораблей основных классов, в том числе 212 подводных лодок.

Численность войск западных военных округов, противостоящих германской армии и ее сателлитам, составляла 2,9 млн человек. В их

составе имелось 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных; 47 кавалерийских), 37,5 орудий и минометов, 6 тыс. танков, из них 14751 новых танков (КВ и Т-34), 7 тыс. самолетов (1540 новых типов). В составе трех флотов имелось 182 корабля (3 линкора, 7 крейсеров, 45 эсминцев, 127 подводных лодок)¹³. Всего этого было недостаточно и группировки войск на Западе требовали усиления.

В связи с этим в середине марта 1941 г. по настоянию Наркома обороны и начальника Генштаба Сталиным было принято решение о дополнительном призыве на учебные сборы 800 тыс. человек приписного состава из запаса с целью доукомплектования в первую очередь 98 стрелковых дивизий западных военных округов. Это пополнение прибыло в части лишь в мае-июне и не успело пройти боевую выучку.

В первой половине мая Сталин разрешил под видом подвижных лагерных сборов перебросить часть войск внутренних округов на Запад: с Урала в район Великих Лук — 22 армию, из Приволжского округа в район Гомеля — 21 армию, из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви — 19 армию, из Забайкальского округа на Украину (в район Шепетовки) — 16 армию (всего 28 дивизий).

Но в целом мы явно опаздывали с развертыванием Вооруженных Сил.

На Западе противник превосходил советские войска по личному составу в 1,8 раза, по тяжелым и средним танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3,2 раза, хотя всего самолетов и танков в Красной Армии было больше.

Необходимо учесть также, что до 40–50% нового пополнения личного состава и новой боевой техники находилось во вновь формируемых соединениях и частях, которые не были боеготовы и не могли принять участия в отражении наступления противника, то общее превосходство в силах и средствах оказалось трех-четырекратным. Причем, пользуясь инициативой нападающей стороны, на избранных направлениях немецко-фашистские войска имели возможность создавать подавляющее превосходство в силах и средствах.

Но общее количество соединений и боевой техники не отражает в полной мере положение дел. Следует иметь в виду также и то, что немецкие дивизии были полностью укомплектованы по штатам военного времени (численность пехотных дивизий составляла 14–16 тыс. человек).

Советские дивизии и механизированные корпуса не были полностью укомплектованы. Например, стрелковые дивизии при штатной численности 14,5 тыс. человек фактически имели от 5–6 тыс. до 8–9 тыс. человек.

Накануне войны большое количество личного состава из соединений было передано в новые формирования, вследствие чего и те и другие оказались недоукомплектованными.

В годы советской власти была проведена большая работа по подготовке военных кадров. Для этой цели была развернута широкая сеть военных училищ и академий (200 военных училищ Красной Армии и ВМФ, 19 военных академий, 7 высших военно-морских училищ, 10 военных факультетов при гражданских вузах). Если в 1924–1927 гг. военно-учебными заведениями было выпущено 24 тыс. командиров и политработников, то в 1941 г. — более 300 тыс. человек и десятки тысяч командиров было выпущено в предыдущие годы. Эта работа была во многом обесценена вследствие упомянутых выше массовых чисток.

Всю систему управления Вооруженными Силами лихорадила чехарда с непрерывными перестановками руководящего состава в Центральном аппарате и военных округах. Так, за пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генштаба. За полтора года перед войной (1940–1941 гг.) пять раз (в среднем через каждые 3–4 месяца) сменились начальники управления ПВО, с 1936 по 1940 г. сменилось пять начальников разведывательного управления и др. Поэтому большинство должностных лиц не успевало освоить свои обязанности, связанные с выполнением большого круга сложных задач перед войной¹⁴.

В целом у Советского руководства планы по коренному преобразованию и повышению боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота были рассчитаны на несколько лет. «Когда же все это будет нами сделано, — говорил И. В. Сталин. — Гитлер не посмеет напасть на Советский Союз»¹⁵. Но все это, к сожалению, не суждено было осуществить. Война застала нашу страну и ее вооруженные силы в стадии многих незавершенных дел по перевооружению, реорганизации и переподготовки армии и флота, создания обороны, государственных резервов и мобзапасов, перестройки промышленности. Многие потенциальные возможности не были рационально использованы. Положение усугубилось неправильной оценкой характера

начального периода войны и недооценкой стратегической обороны.

Как справился Сталин с обязанностями главы государства и Верховного Главнокомандующего накануне и в начале войны с точки зрения военно-стратегической?

Если исходить не из того, нравится кому-то Сталин или нет, а из того, что получилось объективно, на деле, то со всей определенностью можно сказать, что его деятельность в этот период и в данной области была наиболее неудачной и предопределила все многие другие просчеты и ошибки.

Его военно-стратегические взгляды, основанные, главным образом, на опыте Гражданской войны, были излишне политизированы и идеологизированы. Исходя из правильного в принципе утверждения, что военная стратегия подчинена политике и вытекает из политических целей, он, в конечном счете, превращал политику в самоцель. Но при этом, он не до конца учитывал, что политики в чистом виде не существует. Она жизненна тогда, когда в совокупности учитывает многие факторы, в том числе военно-стратегические соображения. Решив любой ценой оттянуть сроки начала войны, Сталин все подчинил этой цели и полагал, что, когда будет нужно, он приведет Армию в полную боевую готовность. Он просто не представлял себе в реальном виде, что стратегическое развертывание Вооруженных Сил — такой сложнейший и внутренне взаимосвязанный процесс, когда, например, бессмысленно наращивать силы в глубине, оставляя части первого эшелона небоеспособными. С точки зрения поддержания должной боевой готовности войск (сил) не в полной мере выполнили свои обязанности нарком обороны и Генштаб.

В теории, конечно, понималось, но на практике было предано забвению то элементарное положение, что война — явление двустороннее. Непонимание и нежелание Сталина считаться с этой простой истиной было доведено до абсурда. Он часто упускал из виду, что при остром политическом и военном противоборстве сторон недопустимо исходить только из собственных желаний и побуждений, не учитывая того, какие цели преследует и что может предпринять другая сторона. Его особенно подводила доходившая до абсурда предвзятая однозначность оценки военно-политической обстановки, не допускавшая какой-либо альтернативности ее развития. Если, скажем, он задумал отодвинуть

сроки начала войны на несколько лет, то значит и Гитлер до этого не может предпринять нападение. Поскольку, по его расчетам, военная мощь Франции в 1940 г. позволяла ей противостоять Германии сравнительно длительное время, то это уже гарантирует отсрочку агрессии против СССР.

Если, по мнению Сталина, Германии было целесообразнее вначале закончить войну против Англии, а затем уже напасть на СССР, то так обязательно и должно было случиться. И так во всех делах. Как ни странно, но почему-то не возникал вопрос, что делать, если противостоящая сторона будет действовать вопреки этим расчетам и предположениям, если события будут развиваться в ином направлении. В намеченную им схему мышления реальная жизнь уже не всегда укладывалась. 13 июня нарком обороны предлагает Сталину привести войска в боевую готовность, а он рекомендует С. К. Тимошенко читать на следующий день сообщение ТАСС о том, что Гитлер не собирается нападать. Уверовав в свою непогрешимость и привыкнув к тому, что внутри страны все ему повинует, Сталин, видимо, внушил себе, что так должно происходить и во всех других сферах.

Многие упущения 1941 г. объясняются совершенно неоправданной, невероятной централизацией руководства всех сторон жизни и деятельности государства, обороны страны, строительства и подготовки Вооруженных Сил. В принципе, такая централизация накануне и в ходе войны была нужна, особенно накануне войны. Больше того, авторитет государственной власти в народе, жесткая требовательность и воля Сталина, партийная, государственная дисциплина и исполнительность сыграли во время войны большую роль в организации перестройки всей страны на военный лад, мобилизации усилий всего народа для отпора врагу.

Но установленная Сталиным чрезмерная централизация руководства и управления, переходящая все разумные пределы, всеобщая подозрительность и недоверие к людям, их придаленность и запуганность чрезвычайно сузили общий фронт работы, лишали систему управления тех живых соков творчества и инициативы, без которых она может функционировать только строго по вертикали сверху вниз, в пределах установленных рамок, будучи не способной охватывать все сложности реальной действительности и реагировать на ее изменения. Такая система управления не могла быть эффективной

и тормозила работу по подготовке страны и Вооруженных Сил к отражению агрессии.

Один человек, будь он даже самым выдающимся, был не в состоянии охватить все аспекты политических, экономических, дипломатических, идеологических, военных и других проблем, которые надо было глубоко анализировать и решать в очень сложной и противоречивой обстановке предвоенных лет и в ходе войны. Несмотря на огромную работоспособность, Сталин не только не мог объять все эти вопросы, но к тому же монополизировал право на их личное решение и сковывал самостоятельность мышления и действий подчиненных. Другие руководители и органы управления во всех звеньях должны были по всем вопросам ждать указаний и заниматься только их механическим исполнением.

Как писал Г. К. Жуков: «...у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае — в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет именно так, как он предполагает, была сильнее»¹⁶.

Многие предложения Госплана, Наркомата обороны подолгу не рассматривались и решение назревших вопросов многократно откладывалось. В результате до начала войны не были приняты решения по переводу промышленности на военное положение и форсированию производства новых видов оружия. Не были утверждены и введены в действие новые оперативные и мобилизационные планы взамен устаревших и не соответствовавшим новым условиям. Все это привело к катастрофе 1941 года.

В военно-исторической литературе и в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны называется много различных причин наших неудач и поражений в начале войны.

Все эти обстоятельства и причины сыграли свою негативную роль, но они не были главными, решающими. Например, не столь важную роль, как изображается, сыграла ошибка с определением главного удара противника, ибо на юге, где мы имели основные силы, а немцы меньшую часть сил, наши войска также потерпели поражение. Следовательно, дело не только в этом.

Главная причина неудач была в том, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность

и до начала нападения противника не заняли предназначенных оборонительных рубежей, позиций. Они оказались, по существу, на положении мирного времени и не смогли своевременно изготавиться к отражению агрессии. Это обстоятельство и породило многие просчеты, и предопределило наши неудачи.

Но для постижения правды истории очень важно не только вскрыть упущения, назвать причины неудач или объявить кто в этом виноват, но и постараться понять, объективно разобраться: почему и под влиянием каких условий и факторов все это произошло. Только тогда можно сделать обоснованные выводы и извлечь из них должные уроки для наших дней.

А если внимательно взглянуть на события, происходившие накануне войны, не растворяясь в частностях, то глубинные истоки самих причин наших неудач коренятся и упираются в один главный вопрос — в раскрытие подлинного замысла Гитлера и, прежде всего сроков его возможного нападения на СССР.

После войны очень много написано о том, что разведка своевременно вскрыла и точно докладывала о планах гитлеровского командования и сроках возможного нападения фашистской Германии на СССР. И действительно, наши разведчики много сделали для раскрытия приготовлений противника.

Международный фонд «Демократия» издал сборник важнейших документов за 1941 год. В предисловии к первому тому сказано, что никакой внезапности не было, Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрег. Но для тех, кто все же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и дойти до истины, такого объяснения недостаточно. Все равно остается вопрос: почему так поступил Сталин? Ведь, несмотря на все свои ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел ее поражения, что подтверждается последующей его деятельностью в ходе всей войны.

Это говорится не для оправдания Сталина. Оправдать все это невозможно. Просто обстановка накануне войны была значительно сложнее, чем это иногда изображается, шли разведданные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Но о таких документах в упомянутом сборнике фонда «Демократия», как и в ряде других книг (например, «Военные загадки третьего рейха». С. 280–290) не упоминается, как будто их не

было. Однобокий подбор только угодных фактов искажает историю.

Посол СССР в Лондоне Майский буквально накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что Гитлер сможет напасть на СССР только после того, как покончит с Англией. Начальник ГРУ Голиков и нарком ВД Берия представляли Сталину доклады о развертывании германских вооруженных сил у наших границ и завершали их выводами о дезинформационном характере этих сведений. Назывались сроки гитлеровского нападения 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения не было. Много поступало и другой дезинформации.

О том, с какой степенью достоверности наша разведка предвидела назревание войны можно судить по воспоминаниям одного из высших руководителей внешней разведки П. А. Судоплатова. «Меня одолевали, — пишет он, — тревожные мысли, но мне и в голову не могло прийти, какая беда вскоре обрушится на всех нас. Конечно, я чувствовал угрозу военной провокации или конфликта, но не в состоянии был представить его масштабы...». В три часа ночи, продолжает он, всех начальников управлений и отделов вызвал Меркулов и официально объявил, что началась война: немецкие войска перешли нашу границу. Он тут же приказал, чтобы весь аппарат был вызван на работу по сигналу тревоги¹⁷.

Видите ли, все «предвидели», «все знали» и с началом войны пришлось собираться по тревоге. Кстати, когда после войны маршалу М. В. Захарову представили на утверждение план подъема Генштаба по тревоге, он начертил резолюцию: «Если Генштаб придется собирать по тревоге, то лучше его заранее разогнать».

Но сегодня иногда судят об этих противоречивых явлениях чрезмерно упрощенно и в отрыве от того, что происходило в действительности. Это относится и к существовавшей в то время версии о том, что Гитлер не будет воевать на два фронта и поэтому не нападет на СССР, пока не разделается с Англией. Но это была, по существу, подмена реальной действительности отвлеченными, схематичными положениями, порожденными историческими стереотипами. Фактически в 1941 году никаких двух фронтов для Германии не было. После быстрого поражения англо-французских войск в 1940 году, чего Сталин никак не ожидал, Англия, находясь за Ла-Маншем, серьезной угрозы для Гитлера на

континенте не представляла. Осуществлялась дезинформация грандиозных масштабов.

Геббельс в своем дневнике 25 мая 1941 г. записал: «В отношении России нам удалось организовать великолепную дезинформацию. Из-за сплошных „уток“ за границей уже больше не знают, что ложно, а что верно...» И далее он же 18 июня — «Маскировка наших планов против России достигла наивысшей точки. Мы настолько погрузили мир в омут слухов, что сами в них не разбираемся. Новейший трюк: мы намечаем созыв большой конференции по проблемам мира с участием России»¹⁸.

К сожалению, в 1941 г. Сталин и Генштаб не разобрались до конца с сутью этих дезинформационных мероприятий противника.

Сталин внушал себе и своим подчиненным, что нападение может быть только после падения Англии; он полагал, что войну можно будет оттянуть до 1942 года, и все свои решения и действия подчинил этому соображению. Будучи уверенным, что все так и будет, поручил сделать сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года о том, что пакт о ненападении Германией будет соблюдаться. Потому, когда 22 июня 1941 года нападение свершилось, для Сталина и всех других это оказалось неожиданным, внезапным. Однако, объективно, внезапности не должно было быть, ибо имелись данные и возможности, чтобы ее не было. Но она, к сожалению, случилась. Как теперь объясняют, упомянутое выше сообщение ТАСС было сделано с целью военно-политического зондажа, но в таком случае следовало предупредить об этом командующих округами и флотами специальным распоряжением.

Советское политическое руководство, Наркомат обороны и Генштаб не смогли адекватно оценить сложившуюся обстановку и не приняли своевременных мер для приведения Вооруженных Сил в полную боевую готовность и исключения внезапности. Это была роковая ошибка. Этим все объясняется, отсюда проистекают все другие просчеты.

Когда в исторических трудах справедливо отмечают, например, что соединения и части не были доукомплектованы личным составом и техникой до штатов военного времени, новые образцы танков и самолетов распылены, а не направлены для формирования хотя бы нескольких боеспособных соединений, полевая и зенитная артиллерия оторвана от своих дивизий и отправлена на полигоны и о многих других подобных упущениях, то при отвлеченном

подходе к этим вопросам, в отрыве от конкретных условий, в которых подобные решения принимались, все это выглядит как сплошная, ничем не объяснимая глупость, безответственность и головотяпство.

Но ведь сознательно, специально заведомо глупых решений никто не искал. Все, как это нередко бывает и сегодня, хотели сделать как лучше.

Стремясь оттянуть начало войны и не спровоцировать ее, не предпринимали мобилизацию, поэтому остались не укомплектованными соединения. Раздали по 10–15 новых танков и самолетов вновь формируемым танковым и авиационным дивизиям, чтобы они хоть как-то могли начинать осваивать новую технику. И артиллерию вывели на полигоны, потому что сформировали много новых артиллерийских частей, а с приходом в Западную Белоруссию и Западную Украину они еще ни разу не стреляли. И многое другое делалось исходя из того, что время еще есть и для подготовки войск, и для возвращения артиллерии с полигонов и т. д.

Но времени, на которое рассчитывали, как раз и не оказалось. Ибо Гитлер тоже, при всей авантюристичности своей политики, понимал, что время работает против него и нужно нападать в середине 1941 года, так как потом будет уже поздно.

Часто говорят: где ответственность наркома, Генштаба, командующих войсками военных округов, командиров и штабов других звеньев? Эту ответственность с них снять нельзя. Сам Г. К. Жуков весьма остро говорил о своей ответственности. Но если вы хотите до конца понять, почему они так действовали, не надо забывать и о той обстановке, в которой им приходилось работать. Георгий Константинович пишет, что его постоянно мучила и сверлила мысль: не зашли ли мы слишком далеко с политикой предотвращения войны любой ценой, не будет ли упущено время для приведения Вооруженных Сил в боевую готовность? Но каждый раз, вспоминал он, успокаивал себя тем, что, видимо, Сталин, политическое руководство располагают такими данными, особыми, непостижимыми для него соображениями, которые ему до поры до времени не положено знать. Но, очевидно, в делах безопасности государства не может быть таких соображений, в которые не был бы посвящен министр обороны и начальник Генштаба.

Справедливости ради, надо сказать, что накануне войны, особенно в мае-июне 1941 года,

нарком обороны и начальник Генштаба неоднократно выходили с предложениями о приведении войск в боевую готовность, но все их предложения отвергались.

Попытки командующих войсками военных округов что-либо сделать по своим решениям жестко пресекались. Генерал-полковник М. П. Кирпонос просил разрешения хотя бы предупредительным огнем препятствовать действиям фашистских самолетов. Ему ответили: «Вы что, хотите спровоцировать войну?»¹⁹.

Командир 125-й стрелковой дивизии генерал Богайчук 18 июня доложил командующему Прибалтийским военным округом, что противник изготовился к нападению и может предупредить наши войска в занятии укрепленных позиций. Он просил дать указание, как этого не допустить, или дать ему право самому принять неотложные меры. Комдив получил ответ: «Больше выдержки. Силы и средства у вас есть. Крепко управлять. Не нервничать... (Кузнецов)»²⁰. Командир артиллерийского полка 10-й армии 17 июня 1941 года на партсобрании сказал: «Может быть, это наше последнее собрание в мирных условиях». Его обвинили в панических настроениях и арестовали.

Не способствуют прояснению истины и бытующие в исторической литературе стереотипы. Например, говорят, что в Одесском военном округе по инициативе начальника штаба М. В. Захарова авиацию своевременно рассредоточили, войска привели в боевую готовность и поэтому больших потерь не было.

Так, Б. Соловьев и В. Суходеев в своей, в ряде моментов довольно аргументированной книге о Сталине пишут, что советские войска «кроме флота и соединений Одесского военного округа (подчеркнуто мною. — М. Г.) не успели занять оборонительные позиции, сменить аэродромы, поднять самолеты в воздух, осуществить другие необходимые в той обстановке мероприятия»²¹. Это типичный пример, когда суждения строятся на основе однажды запущенных стереотипов, мифов, согласно заранее заданной схеме, а не анализа конкретных условий обстановки.

Конечно, инициатива, проявленная в ОДВО или ВМФ, должна служить примером. Но в полосе Южного фронта не было таких массированных ударов, как в полосе Западного или Юго-Западного фронтов, и противник на этом направлении перешел в наступление через несколько дней после начала войны. Если бы даже не были приняты указанные выше меры, результат был бы тот же.

Или, как мог Главком ВМФ Н. Г. Кузнецов привести флоты «в полную боевую готовность», как об этом пишут? Для этого нужно провести мобилизацию. Но ее невозможно осуществить без решения политического руководства, Генштаба, наконец, без военных комиссариатов, которых отдельно для ВМФ не существовало.

Поэтому сегодняшние рассуждения некоторых историков о том, что надо было на всех уровнях проявлять инициативу, в принципе, верны, но не учитывают реально существовавшую в то время атмосферу.

Иногда называют главной причиной неудач в 1941 г. репрессии и истребление лучшей части командиров в 1937–1938 гг. Конечно, они нанесли огромный ущерб РККА. Но если бы вместо Жукова был Тухачевский, а вместо Павлова — Уборевич, мало что изменилось бы. Ибо заранее подготовившийся для нападения противник обрушил удар огромной силы по войскам, которые не изготовились для отражения этого удара. И предотвратить его можно было только на политическом уровне.

Реально в 1941 году военно-политическое руководство лишь к исходу 21 июня приняло решение, направленное на приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность. Но И. В. Сталин все еще надеялся, что нападения не будет. Директива, по существу, не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме. В ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия». В пункте «а» директивы от 21 июня 1941 года сказано: «В течение ночи 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе». А что делать полевым и всем другим войскам, производить или нет оперативное развертывание — об этом ничего не было сказано.

Если бы, как планировалось, в округа был направлен заранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.» или, как сделал нарком ВМФ перейти на оперативную готовность № 1, то на оповещение войск ушло бы 25–30 мин. Но поскольку в округа была направлена директива, которая ограничивала приведение в действие оперативных планов (следовательно, во всех инстанциях ее нужно было расшифровывать и снова зашифровывать), то на оповещение и постановку задач ушло 3–5 часов, а многие соединения никаких распоряжений вообще не получали, и сигналом боевой тревоги для них стали разрывы вражеских бомб и снарядов.

Командующие и штабы фронтов, поняв, что ограничения на ввод в действие оперативных планов сковывают действия войск, начали по своей инициативе отдавать распоряжения о вскрытии оперативных пакетов. К. К. Рокоссовский пишет, что такое распоряжение (от штаба 5-й армии Юго-Западного фронта) он получил около 4 часов утра. А военный совет Западного фронта только в 5 час. 25 мин. направил армиям директиву: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому».

При том способе передачи распоряжений, который избрал Генштаб в ночь на 22 июня, даже командующие и штабы военных округов и армий не могли понять, что им нужно делать и как действовать.

Действительно, более организованно проходило доведение сигналов в ВМФ. Нарком Н. Г. Кузнецов в 23 час. 50 мин. 21 июня 1941 года отдал распоряжение: «Немедленно перейти на оперативную готовность № 1». Конечно, не тайно и не вопреки Сталину. А распоряжение по оперативному развертыванию сил флотов было отдано на следующий день, с началом войны.

В результате всех этих упущений и ошибок войска оказались на положении мирного времени — в пунктах постоянной дислокации, в военных городках, лагерях; чолевая и зенитная артиллерия — на полигонах. За двое–трое суток до начала войны подтягивались ближе к госгранице вторые эшелоны (например, 12 мк ПрибВО, 14 мк ЗапВО, два мехкорпуса КОВО). Но большинство соединений первого эшелона только уже в ходе боевых действий и под массированными ударами авиации и артиллерии противника начало выдвигаться к госгранице навстречу наступающим танковым группировкам врага, не успев занять назначенные рубежи в приграничной зоне. Из 57 дивизий, предназначенных для прикрытия границы, только 14 расчетных дивизий, или 25 процентов выделенных сил и средств, успели занять назначенные районы обороны, и то в основном на флангах советско-германского фронта.

Построение обороны было рассчитано лишь накрытие границы, а не на ведение оборонительной операции с целью отражения наступления превосходящих сил противника.

Занятие обороны дивизиями первого эшелона предусматривалось только вдоль госграницы; вариант занятия обороны, в глубине не рассматривался, хотя было ясно, что в случае

внезапного нападения противника стрелковые дивизии не смогут успеть выйти к позициям у госграницы. В таком положении оказалась, например, 75-я стрелковая дивизия, которая, имея в основном стрелковое оружие, совершая марш-бросок к госгранице в растянутых колоннах, столкнулась с развернутым в боевой порядок танковым соединением противника.

Конечно, в смысле разумного исполнения отданных распоряжений, многое зависело от самих командующих и командиров на местах. Например, некоторые люди до сих пор удивляются, как могли немцы уже через неделю ворваться в Минск. Давайте посмотрим, в каком положении находились, например, войска 4-й армии Западного фронта. Кстати, их располагал бывший командующий 4-й армией В. И. Чуйков. Во-первых, из-за нехватки казарменного фонда личный состав был расположен крайне скученно. Например, в Бресте и Брестской крепости в нескольких километрах от госграницы дислоцировались две стрелковые, одна танковая дивизии и еще 15 различных соединений и частей, вплоть до окружного госпиталя. Причем танковая дивизия 14-го механизированного корпуса с объявлением тревоги должна была уходить в тыл, в район Кобрина, чтобы изготовиться для контр-удара в составе корпуса. Стрелковые дивизии имели задачу выдвигаться на оборонительные рубежи вдоль границы севернее и южнее Бреста.

Командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан, в течение 20 и 21 июня изучавший в бинокль советскую территорию, писал в своих воспоминаниях: «тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления Западного Буга не были заняты русскими войсками... Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос: стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом»²².

В соответствии с планом оперативного развертывания, некоторые дивизии Западного и Киевского Особых военных округов должны были занимать оборону не на тех направлениях, где они были расположены, а со смещением к северу от 30 до 60 и более километров, т. е. совершать перегруппировку вдоль фронта в непосредственной близости от госграницы.

В результате некоторые участки на направлениях главных ударов противника оказались оголенными.

Кстати, автору не раз приходилось бывать на военно-исторических конференциях в Генштабе, штабах округов, флотов, военных академиях. Всюду обычно молодые офицеры нещадно критикуют за эти ошибки Сталина или Тимошенко, Жукова, командующих войсками округов, поскольку они, конечно, должны были более детально вникать в оперативные планы. Но мало кто почему-то вспоминает о разведчиках, операторах или артиллеристах — офицерах Генштаба, штабов объединений, которые непосредственно исполняли планы, наносили расположения соединений на картах с теми непростительными огрехами, о которых упоминалось выше. Это было бы поучительно и дало возможность понять, что к бедам 1941 г. многие из нас имеют отношение.

В полосе Западного фронта 2-й и 3-й немецким танковым группам противостояли только по одной стрелковой дивизии. Противник имел 5–6 кратное превосходство в силах и средствах. Не отвечали интересам ведения оборонительных операций в начале войны базирование авиации и расположение складов с материальными запасами. Аэродромы строились в непосредственной близости от границы, базирование на имевшихся аэродромах было крайне скученным. В результате советская авиация и материальные запасы в первые дни войны оказались под ударом противника.

Всего этого командующие на местах могли не допустить. Но ведь кое-что навязывалось сверху с той целью, чтобы показать немцам, что мы не собираемся нападать. Судя по всему «сверху», по линии политорганов были даны негласные указания продемонстрировать, что командный состав спокойно отдыхает и ничего не собирается предпринимать.

Обычно в исторической литературе больше всего возмущений по поводу того, что командующий Западным военным округом генерал Павлов вечером 21 июня находился в Доме офицеров, на концерте. Но и командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский пишет в своих воспоминаниях, что вечером 21 июня с семьей находился на концерте.

Вечером 21 июня командиры частей и соединений 4-й армии были вызваны из крепости в город Брест на партсобрание и прослушивание концерта. Части, расположенные в крепо-

сти, с началом войны попали под ожесточенный огонь артиллерии и стрелкового оружия. Практически в большинстве своем они не смогли организованно выйти из крепости в предназначенный район и оборонительные позиции. Многие командиры, уехавшие в город Брест, не смогли вернуться в свои части и соединения.

К. К. Рокоссовский (командир механизированного корпуса) пишет в своих воспоминаниях: «...с утра 22 июня 1941 г. собирался вместе с командирами выехать на рыбалку»²³. Примерно то же самое происходило в других гарнизонах. Это ведь не просто безответственность (Рокоссовского в этом не обвинишь) или случайность. По существу, исходя из главной установки — «не спровоцировать войну» — все это было соответствующим образом организовано.

Некоторые историки, журналисты до сих пор продолжают утверждать, что никакой внезапности нападения не было. Но фактор внезапности не есть нечто абстрактное, он возникает и дает о себе знать в зависимости от того, как люди и прежде всего руководство воспринимают данные об обстановке и назревающую угрозу. Уже говорилось, в каком виде поступали доклады Сталину и как он их воспринимал. Так, Берия, докладывая сообщения разведки, в одном из которых прямо говорилось: «Германия нападет на СССР 22 июня после 3 часов утра»²⁴, подчеркивал, что считает эти сведения дезинформацией. Если бы Сталин верил этим сведениям, то около часа ночи 22 июня, за несколько часов до начала войны, не уехал бы к себе на дачу. Даже когда нападение фашистской Германии уже началось, Сталин еще сомневался в случившемся. С 3:30 22 июня авиация противника уже бомбила наши города, а собранное в 5:45 по указанию Сталина Политбюро в течение еще трех часов выясняло, война это или не война. Сталин еще спрашивал: «Не провокация ли это немецких генералов?»

Тимошенко отвечает: «немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же эта провокация?» Сталин стоит на своем: «если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы бомбят и свои города...». И, подумав немного, продолжал: «Гитлер наверняка не знает об этом».

В это время поступает доклад из Генштаба о том, что немецкие войска после артподготовки перешли наши границы. Тимошенко и Жуков докладывают об этом Сталину и предлагают немедленно организовать ответные удары на-

ших войск. Сталин отвечает: «пождем возвращения Молотова». (Последний принимал германского посла, прибывшего с нотой об объявлении войны СССР). После официального объявления Германией войны Сталин дает согласие на ответные действия наших войск, но строго предупреждает, чтобы они нигде не смели переходить госграницу. Сталин и после всего этого продолжал еще на что-то надеяться. Поскольку он рассчитывал на совсем другое развитие событий, все, что случилось вопреки его расчетам, было неожиданным для него и для военного командования, для которого установки главы государства обязательны.

В свете всего этого очевидна и несостоятельность утверждений, будто Сталин готовил упреждающий удар. Вдумайтесь только: готовить упреждающий удар и с началом войны отдавать войскам приказ не переходить госграницу. Не до этого было Сталину в то время.

В 70-е годы группа историков (в т. ч. В. Вокулов) обратилась к А. М. Василевскому с вопросами, была ли в действительности внезапность нападения в 1941 году, или как говорили некоторые из них, «Сталин придумал миф о внезапности для оправдания своих просчетов». Не имея возможности ответить всем, кто ему прислал письма, Александр Михайлович прислал в Военно-научное управление Генштаба записку с оценками событий накануне и в начале войны. В частности, по вопросу внезапности он писал: «Главное в том, что мы не смогли определить точно нападения врага, привести в полную боевую готовность войска приграничных военных округов. Получилось так, что хотя мы и знали, что гитлеровцы готовятся напасть на нашу Родину, но поскольку просчитались с определением его сроков, война для нас стала неожиданной...». Так что содержание внезапности нападения составляет не наше незнание о приготовлениях фашистской Германии к войне, угрозы войны, а просчет в определении времени нападения и неготовность советских войск встретить врага отмобилизованными, на заранее подготовленных рубежах в полной боевой готовности.

Если не считать тех авторов, кто заведомо запутывает этот и без того непростой вопрос, то непонимание причин случившейся неожиданности фашистского нападения в 1941 г. в большинстве своем связано с примитивным и схематичным мышлением, с восприятием фактора внезапности отвлеченно, без учета того, как сложившуюся обстановку воспринимали

должностные лица того времени, наделенные правами принимать соответствующие решения. В реальности, начиная от Сталина и кончая командирами частей, они исходили или (последние) были обязаны исходить из того, что войны в ближайшее время не будет. Если это было бы не так, то даже самый безответственный командир или политработник (как это было, например, в 4-й армии) не затеял бы вечером 21 июня партактив в Бресте с отрывом всех командиров от своих частей и соединений или не стал бы отправлять артиллерию и зенитные части на полигоны.

А то, что кому-то из современных историков или писателей, исходящих из знания того, что уже произошло и что сегодня досконально известно об обстановке и решениях обеих сторон, представляется, что внезапности нападения в 1941 г. не было, то никаких исторических оснований для этого нет. Подобные версии свидетельствуют лишь о том, что не все люди способны мысленно поставить себя в условия того времени и адекватно их оценить. Еще раз можно повторить: да, были возможности, чтобы внезапно не допустить. Но роковые ошибки в оценке обстановки и прежде всего со стороны Сталина позволили ей разразиться. Это свершившийся исторический факт и отменить его невозможно.

Таким образом, в самой организации развертывания и оперативном построении войск закладывались предпосылки к поражению. В результате в первые же часы и дни войска понесли большие потери и не смогли оказать достаточно организованного сопротивления. В ходе приграничных сражений потерпели полное поражение 28 дивизий, 72 дивизии потеряли от 50% и более личного состава и боевой техники. Противнику уже в первые двое суток удалось продвинуться на глубину 100–150 км.

В тяжелом положении оказались советские ВВС. Авиация потеряла большинство самолетов на аэродромах. Например, авиация Западного фронта за первый день войны потеряла 738 самолетов из имевшихся 1780. Всего советская авиация в первый день войны потеряла 1200 самолетов. Противник тоже потерял несколько сот самолетов. Но внезапный удар позволил германской авиации в самом начале войны завоевать господство в воздухе.

Главное командование Советских Вооруженных Сил, Генеральный штаб, не получая достоверных данных об обстановке и не зная подлинного положения дел на фронте, отдавали

войскам нереальные распоряжения, не соответствующие сложившейся обстановке.

В условиях, когда устойчивость стратегической обороны была нарушена и образовались опасные прорывы крупных группировок противника на большую глубину, наиболее целесообразным было заблаговременно готовить оборону на рубеже рек Западная Двина и Днепр, отводя войска и подтягивая на этот рубеж резервы. Но такие решения своевременно не были приняты.

Советское командование, стремясь любой ценой удержать каждый рубеж и не допустить отхода, ставило войска в еще более тяжелое положение, что вынуждало их к дальнейшему отступлению.

Некоторые эшелоны с пополнением, команды отобилизованных военнослужащих не смогли прибыть к местам назначения и попадали в расположение противника.

Быстрое продвижение фашистских группировок и выход их на фланги и коммуникации советских войск, непрерывные удары вражеской авиации, действия в тылу многочисленных диверсионных групп и гитлеровской агентуры оказывали на многих военнослужащих ошеломляющее воздействие. Война фашистской Германии против нашей страны с самого начала носила крайне жестокий характер, особенно по отношению к мирному населению. Ставка делалась на то, чтобы устрашить, сломить волю к сопротивлению.

В этих условиях особенно важно было, чтобы Ставка ВГК, лично Сталин проявили выдержку и самообладание. И это в целом удавалось. Но все же не всегда в острой обстановке находились верные оперативно-стратегические решения, политическая, идеологическая зашоренность еще давала о себе знать.

В июле месяце Генеральный штаб пришел к обоснованному выводу, что фашистское командование, скорее всего не будет продолжать наступление на Московском направлении, так как группа германских армий «Центр», продвигнувшись вперед, оголила свои фланги. Особо опасное положение для них складывалось со стороны нашего Центрального фронта. Поэтому становилось очевидным, что противник может направить основные усилия для разгрома войск этого фронта. Начальник Генерального штаба Г. К. Жуков докладывал Сталину, что, если это произойдет, то германские войска получат возможность выйти во фланг и тыл нашему Юго-

Западному фронту и предлагал отвести войска за р. Днепр. Сталин не только не согласился с такой оценкой обстановки (как же можно оставлять Киев?!), но за излишнюю настойчивость отстранил Г. Жукова от должности начальника Генштаба.

Но опасения Генштаба подтвердились. В середине сентября германские войска прорвались в тыл Киевской группировки наших войск и окружили до четырех армий Юго-Западного фронта. Из этого окружения смогла выйти только часть наших войск. Немало было и других подобных случаев, когда советские войска терпели тяжелые поражения и несли большие потери исключительно из-за того, что не своевременно принимались нужные оперативно-стратегические решения. За первые пять месяцев войны немецко-фашистские войска вторглись на территорию СССР на глубину от 800 до 1200 км, вышли на подступы к Москве, блокировали Ленинград, захватили большую часть Донбасса и Крыма. Противник оккупировал территорию до 1,5 млн квадратных километров, где до войны проживало около 75 млн человек.

Как уже отмечалось, постепенно сама сложившаяся обстановка вынудила советское Главнокомандование осознать необходимость полного пересмотра прежнего плана ведения войны и перехода к стратегической обороне. Однако заранее спланированных стратегических оборонительных операций не было. Они складывались в ходе вынужденных боевых действий на основе решений и распоряжений, которые принимались и отдавались под давлением складывающейся неблагоприятной обстановки. Это уже после войны некоторыми историками была придумана версия о заранее задуманном планомерном отступлении с переходом в победоносное контрнаступление.

Таким образом, заблаговременное развертывание противником многократно превосходящих сил на решающих направлениях и крайне невыгодные условия, в которые были поставлены советские войска, потеря управления в ряде звеньев привели с самого начала военных действий к образованию огромных брешей в обороне, окружению и отсечению от основных сил многих соединений и частей. Потери советских войск за 1941 год убитыми, пленными и без вести пропавшими составили свыше 3 млн человек.

Вместе с тем, несмотря на глубокое продвижение и захват обширных территорий, противнику не удалось полностью разгромить

советские войска и лишить их способности к сопротивлению. Их наступление удалось остановить. Немецко-фашистские войска понесли серьезные потери.

К моменту окончания Московской битвы только сухопутные войска Германии потеряли более 1,5 млн человек, что почти в пять раз превышало все потери, понесенные ими в Польше, Северо-западной и Западной Европе и на Балканах в 1939–1941 гг. К тому же немцы лишились основной массы танков и самолетов.

С конца 1941 года фашистской Германии предстояло, по существу, начинать совершенно иную, новую фазу войны, которую ее руководство не предусматривало.

Красная Армия и Военно-Морской Флот в начале войны преодолели многие трудности, выпавшие на их долю, развеяли миф о непобедимости фашистской армии и смогли устоять под ее ударами.

В целом, несмотря на то, что политическое руководство своими просчетами поставило государство и Вооруженные Силы в критическое положение, в чрезвычайной обстановке начального, самого трудного периода войны, многие руководители на местах, большинство советских людей не дрогнули. Они приложили огромные, поистине героические усилия, чтобы укрепить армию и перестроить экономику на военный лад, эвакуировать большинство промышленных предприятий на Восток.

Советским войскам удалось задержать продвижение противника как в результате упорного сопротивления продолжающих сражаться войск первого эшелона, так и главным образом за счет срочного формирования и выдвижения новых резервных соединений и объединений.

К концу третьей недели военных действий советские войска смогли в основном стабилизировать фронт по рубежу: река Луга, озеро Ильмень, Опочка, верхнее течение Западной Двины, Днепр. Ставка смогла осуществить мобилизацию и подготовку стратегических резервов, которые сыграли решающую роль в сражениях под Ленинградом, Смоленском, Киевом и Москвой.

Сталин сыграл главную роль в мобилизации сил и средств, создании резервов для обороны Москвы. Да и то, что он до конца остался в Москве, нашел в себе мужество провести 7 ноября 1941 г. военный парад, имели огромное морально-политическое значение.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что главный причиной катастроф

в 1941 г. было то, что наша Армия не смогла, а точнее сказать, была не в состоянии во всеоружии вступить в войну, организованно провести первые приграничные сражения. Ответственность за это ложится на политическое, стратегическое руководство и, прежде всего на Сталина, Молотова, а также на Тимошенко и Жукова. И об этом приходится говорить не для того лишь, чтобы бросить камень в сторону этих людей. Дело в том, что эти проигранные сражения сказывались затем на всем ходе первой половины войны. В наши дни, когда начинают рассматривать Смоленское сражение, оборону Москвы или Ростов-на-Дону, смотрят на положение сторон, соотношение сил так, будто бы ничего до этого не было и две армии только что свеженькими, обученными и сколоченными еще в мирное время сошлись между собой. Но из-за того, что войска не были боеготовы, мы уже в начальный период войны потеряли основную часть кадровой армии, большую часть самолетов, танков, артиллерии. Противник сразу получил огромное превосходство во всех этих средствах. В битве под Москвой и последующих битвах сражались наскоро пополненные и сформированные, не обученные и не сколоченные соединения и части. Да, танкисты, артиллеристы и другие специалисты не успевали овладевать оружием и техникой. Многие командиры не умели вести разведку, организовать огневое поражение противника, взаимодействие родов войск, ибо ни по каким книжкам, рассказам, на ускоренных курсах всему этому не научишься — нужно многократно тренироваться, приобретать боевой опыт. Но времени и возможности для этого уже не было. Поэтому не было другого выхода, как овладевать боевым мастерством в ходе самих боевых действий, неся порою неоправданно тяжелые потери. А немецкая армия вступила в войну, будучи полностью отмобилизованной, имея двухлетний боевой опыт и оказавшись в максимально благоприятном положении в самом начале войны, продолжала наращивать свое боевое преимущество. В последующем доблестью и героизмом наших командиров и солдат оно было во многом ликвидировано.

Но как бы кто не оценивал события 1941 г., мы, последние оставшиеся в живых фронтовики, вправе сегодня еще раз напомнить современным политикам, идеологизированным на новый лад историкам, злобствующим на костях своих дедов и восхищающимся немецко-фашистской военной школой журналистам, что из событий

1941 года следует один главный непреложный вывод: ни при каких обстоятельствах нельзя ставить свою армию в такое ужасное положение, в котором она оказалась 22 июня 1941 года. И ни одна другая армия в мире, кроме нашей, не могла бы оправиться после того, что случилось в первые дни войны и переломить ход войны в свою пользу. Это был самый трудный процесс, особенно для становления офицерского состава. И об этом никогда нельзя забывать, иначе мы никогда не поймем того, что произошло в Великой Отечественной войне.

Стратегическое руководство в ходе войны

Героическая борьба советского народа и его Вооруженных Сил доказала, что нацистской агрессии в Европе не только можно противостоять, но фашистскую Германию можно и сокрушить. Великобритания, США и другие страны стали союзниками СССР. Но впереди предстояла трудная борьба со все еще сильным противником, Сталин предполагал и ставил задачу завершить войну в 1942 году.

В директивном письме Ставке ВПК от 10.01.1942 г., подписанном Сталиным, указывалось: «Немцы хотят получить передышку, но этого им давать не следует. Гнать их на Запад без остановки, заставить израсходовать резервы до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»²⁵. Задача эта была не совсем реальной, но в случае более активных действий союзников, коренного перелома в войне в этом году, видимо, можно было добиться. Но и этому не суждено было сбыться. В силу ряда новых ошибок, допущенных Ставкой ВПК, Красной Армии пришлось терпеть неудачи и в летней кампании 1942 года.

При обсуждении в Ставке в марте 1942 года планов на летнюю кампанию Генштаб (Б. М. Шапошников) и Г. К. Жуков предлагали основным способом действий считать переход к стратегической обороне. Г. К. Жуков считал возможным предпринять частные наступательные действия лишь в полосе Западного фронта, перейдя на всем остальном советско-германском фронте к обороне, С. К. Тимошенко предложил, кроме того, провести наступательную операцию на Харьковском направлении. На возражения Г. К. Жукова и Б. М. Шапошникова по поводу это-

го предложения Сталин заявил: «Не сидеть же нам в обороне, сложа руки, не ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. И далее, «Жуков предлагает развернуть наступление на Западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера»²⁶.

В результате было принято решение предпринять ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на Львовском и Смоленском направлениях, в районах Ленинграда и Демьянска. Характерно, что в представлении Сталина, обороняться, означало «сидеть, сложа руки».

Что касается планов германского командования, то одно время считалось, что оно ставило своей главной целью овладение Москвой путем глубокого обхода с юга. Но в действительности, согласно директиве Гитлера № 41 от 5.4.1942 г., основной целью немецкого наступления летом 1942 г. было овладение Донбассом, кавказской нефтью и путем нарушения коммуникаций в глубине страны лишить СССР важнейших ресурсов, поступающих из этих районов. Наше ВГК ждало главного удара противника на Московском направлении. Непоследовательность и нерешительность в выборе способа действий, когда, с одной стороны, в принципе, предполагалось перейти к стратегической обороне, с другой — предпринимался ряд неподготовленных и необеспеченных материально наступательных операций, привели к распылению сил, и наша армия оказалась не подготовленной ни к обороне, ни к наступлению. В результате наши войска и летом 1942 г. вновь потерпели тяжелое поражение и им пришлось отступить до р. Волга, и только под Сталинградом было остановлено наступление германских войск. К ноябрю 1942 г. Ставке ВГК во главе со Сталиным удалось мобилизовать крупные резервы для перехода в контрнаступление и разгрома фашистских войск под Сталинградом. При предварительном рассмотрении плана контрнаступления Сталин высказал мысль, что, может быть, лучше ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона, что значительно сужало кольцо окружения. Но были и сверх смелые предложения — наносить удары прямо на юг, на Ростов, чтобы окружить все фашистские войска на северном Кавказе и на Сталинградском направлении. Представляется, что постановка подобной задачи была явно нереалистичной. Такое окружение было бы по существу весьма относительным, ибо, распо-

лагаясь на огромной территории, группировки противника сохраняли бы свободу маневра для нанесения ударов и прорыва из окружения, а советских сил и средств могло оказаться недостаточным для создания плотного кольца окружения. В конечном счете, был принят вариант, предложенный Г. К. Жуковым и А. М. Василевским, предусматривающий нанесение ударов с севера и юга по сходящимся направлениям на Калач с одновременным выделением войск для создания внутреннего и внешнего фронтов окружения.

Следует, прежде всего, отметить умелый выбор Ставкой ВГК и Генштабом момента для перехода в контрнаступление, когда наступление противника уже выдыхалось, группировки его войск были растянуты, фланги ослаблены, а переход к обороне не осуществлен. Весьма удачно, с учетом наиболее уязвимых мест (оборонявшихся румынскими войсками) были определены направления главных ударов с целью окружения и уничтожения наиболее сильной группировки под Сталинградом. Сталинградская битва закончилась окружением и уничтожением трехсоттысячной группировки гитлеровцев и потрясла всю Германию.

До сих пор идут споры: кому принадлежит идея Сталинградской операции? Она, конечно, возникла объективно из складывающейся обстановки. Те или иные предложения высказывали и командующие фронтами. В окончательном сформулированном виде общую идею этой операции высказали Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Но по неписаным военным законам она в конечном виде принадлежит Сталину, тому, кто сумел уловить ее суть, кто нашел в себе мужество и взял на себя ответственность за ее проведение. Он же сыграл главную роль в сбережении и создании стратегических резервов и материально-технических средств для проведения этой операции.

Несмотря на ряд достигнутых военно-политических и стратегических успехов, обстановка для Советского Союза весной 1943 года оставалась крайне напряженной и сложной. Враг был надломлен, но еще полон решимости продолжать войну. Приходилось учитывать и опасность попыток гитлеровского руководства к заключению сепаратного мира с нашими западными союзниками.

В ходе ожесточенных сражений истекшей зимой и советские войска понесли большие потери в личном составе и технике. Освобожденные

районы находились в опустошенном состоянии. От советского государства, Верховного Главнокомандования и всего народа требовались новое напряжение физических и духовных сил, мобилизация всех экономических и военных возможностей для наращивания ударов по врагу до полного его разгрома. Положение осложнялось тем, что Германия продолжала опираться на промышленность и ресурсы всей Западной Европы. В 1943 г. она еще производила в четыре раза больше чугуна, стали и проката, угля — почти в шесть раз, электроэнергии — в полтора раза больше, чем Советский Союз. Поэтому только за счет более рационального использования имеющихся ресурсов и самоотверженного труда советских людей можно было превзойти врага в создании в первую очередь того, что требовалось для достижения победы. И эта задача была решена. В 1943 г. наша промышленность произвела тяжелых и средних танков в 1,4 раза, боевых самолетов в 1,3 раза, оружия 76 мм калибра и выше — на 63%, минометов — на 213% больше, чем промышленность фашистской Германии. В 1943 г. авиационные заводы дали около 35 тыс. самолетов, а танкостроители — 24 тыс. танков и самоходно-артиллерийских орудий²⁷. Во главе всей грандиозной работы стоял Государственный комитет обороны во главе со Сталиным. Активно занимались оборонно-промышленными делами такие государственные деятели, как Молотов, Вознесенский, Маленков, Микоян, Шахурин, Ванников, Устинов и другие.

Гитлер стремился летом 1943 г. любой ценой одержать крупную победу в районе Курска и вернуть себе стратегическую инициативу.

События 1941–1942 гг., тяжелые неудачи и одержанные победы не прошли даром и для советского руководства во главе со Сталиным, военного командования и в целом для страны и вооруженных сил. Уроки были извлечены сполна и реализованы в обоснованных решениях и конкретных действиях, исходя из сложившейся обстановки на советско-германском фронте. Наученный горьким опытом 1941–1942 гг., Сталин стал больше прислушиваться к предложениям представителей Ставки ВГК, Генштаба и командующих войсками фронтов. Но эту сторону дела тоже нельзя слишком упрощать. Что значит прислушиваться, к кому прислушиваться, если, например, в 1943 г. одни командующие предлагали перейти к обороне, другие (Военный совет Воронежского фронта)

нанести упреждающий удар и наступать. Очень рискованный и ответственный выбор был за ВГК — Сталиным. В отличие от 1941–1942 гг., перед Курской битвой он проявил понимание смысла стратегической обороны. Утвержденный Сталиным замысел действий советского Верховного Главнокомандования состоял в том, чтобы переходом к преднамеренной стратегической обороне силами Центрального, Воронежского, частично Степного фронтов, отразить летнее наступление немецко-фашистских войск, обескровить их и последующим переходом в контрнаступление нанести поражение главным группировкам противника. Таким образом, планировалась и проводилась ярко выраженная стратегическая оборонительная операция силами нескольких фронтов под общим руководством Ставки ВГК.

Умелый выбор стратегического способа действий, большая и многообразная работа по подготовке оборонительной операции предопределила успешное ее проведение. Если в 1941–1942 гг. немецко-фашистские войска, переходя в наступление, полностью сокрушили советскую оборону и продвигались на сотни и тысячи километров, а советским войскам удавалось остановить противника ценой невероятных усилий и после длительного отступления, то, перейдя в наступление 5 июля под Курском, фашистские войска продвинулись в полосу Центрального фронта до 10 км, а в полосу Воронежского фронта — до 30–35 км лишь на узких участках фронта. При этом они понесли большие потери в людях, танках и другой боевой технике. Прорвавшиеся группировки противника были остановлены и в последующем отброшены в исходное положение контрударами армейских и фронтовых вторых эшелонов и резервов.

Верховное Главнокомандование во главе со Сталиным удачно выбрало момент для перехода в контрнаступление. Окончательный крах операции под Курском, предпринятой гитлеровским командованием в июле 1943 г., был предопределен не только оборонительными действиями, но и переходом в наступление 12 июля войск Западного и Брянского фронтов на Орловском направлении и войск Степного и Юго-Западного фронтов на Белгород-Харьковском направлении. Одновременно войска Центрального и Воронежского фронтов, используя успех вышеуказанных фронтов, продолжали теснить противника, отбросив его на

исходные позиции, и затем 8 августа перешли в общее контрнаступление. Таким образом, наступление немецко-фашистских войск летом 1943 г. закончилось их сокрушительным поражением. Красная Армия в этой битве одержала выдающуюся победу, означавшую окончательный коренной перелом в ходе всей войны. Ставка ВГК умело организовала форсирование сходу реки Днепр в 1943 г.

В 1944–1945 гг., составляющих заключительный период Великой Отечественной войны, немецко-фашистская армия окончательно перешла к жесткой стратегической обороне. Предпринимались и сильные контрудары — отдельные наступательные операции (как, например, в районе озера Балатон, Арденнах в начале 1945 г.). Но эти активные действия носили уже частный характер, подчиненный интересам ведения обороны с целью затягивания войны и заключения сепаратного или многостороннего мира на приемлемых для Германии условиях. Однако положение Германии ухудшилось. Ее поражения на советско-германском фронте привели к обострению внутривойсковой обстановки в самой Германии и в стане ее союзников. Особенно обострилось положение с людскими ресурсами.

Наше Верховное Главнокомандование добилося того, что в целом военно-политическая и стратегическая обстановка коренным образом изменилась в пользу СССР и его союзников. В 1942–1943 гг. в восточных районах нашей страны было вновь построено 2250 тыс. и восстановлено в освобожденных районах свыше 6 тыс. предприятий. Оборонная промышленность в 1944 г. ежемесячно производила танков и самолетов в пять раз больше, чем в 1941 году.

Это говорит о том, насколько эффективно осуществлялось во время войны строительство и подготовка Вооруженных Сил. К этому времени подавляющего превосходства советских вооруженных сил над германскими еще не было. Оно появилось, когда союзники высадили крупный десант в Нормандии в июне 1944 г. и был открыт второй фронт в Европе, что еще больше затрудняло германскому командованию маневр силами и средствами с одного фронта на другой.

Советское Верховное Главнокомандование поставило задачу перед советскими вооруженными силами не дать возможности немецко-фашистской армии закрепиться на занимаемых рубежах и затянуть войну, завершить освобождение территории своей страны, освободить

другие народы Европы от фашистской оккупации и закончить войну полным разгромом фашистской Германии совместно с западными союзниками. Решить эти задачи можно было только активными наступательными действиями. В 1944 г. Советская армия провела 10 крупных наступательных операций, начав с наступления по освобождению Правобережной Украины и снятия блокады Ленинграда зимой 1944 года.

Зимой и весной 1945 г. продолжалось стратегическое наступление на всем советско-германском фронте при одновременных наступательных операциях англо-американских войск с Запада, в результате которых фашистская Германия оказалась в тисках общих согласованных ударов союзников. Советскими Вооруженными Силами в этот период были проведены Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Будапештская, Венская, Восточно-Померанская, Нижнесилезская, Верхнесилезская, Берлинская, Пражская и другие наступательные операции, приведшие к полному краху фашистской Германии и ее безоговорочной капитуляции.

К этому времени повысились уровень стратегического руководства Верховного Главнокомандования, Генштаба, оперативно-тактическое мастерство командиров, штабов; в целом военное искусство Советских Вооруженных Сил достигло наибольшего расцвета.

Некоторые отличительные черты сталинского стратегического руководства

В ходе войны главными отличительными чертами Сталина как Верховного Главнокомандующего были: умение предвидеть развитие стратегической обстановки и охватывать во взаимосвязи военно-политические, экономические, социальные, идеологические и оборонные вопросы; выбор наиболее рациональных способов стратегических действий; соединение воедино усилий фронта и тыла; высокая требовательность и большие организаторские способности; строгость, твердость, жесткость управления и огромная воля к победе любой ценой.

Жесткость Сталина доходила порой до необъяснимой степени. Так, в начале войны всю вину за катастрофу с высшего стратегического руководства пытались переложить на командование Западного фронта. В самом начале войны был издан приказ НКО № 270, в котором объявлялись преступниками некоторые

генералы, судьба которых была еще неизвестна, устанавливались репрессии не только для воинов, попавших в плен, но и что особенно жестоко — для их жен и даже детей.

Попали в разряд неблагонадежных и были лишены политического доверия военнослужащие, бывшие какое-то время в окружении, хотя, как правило, в окружение попадали соединения и части наиболее стойко оборонявшие занимаемые рубежи. Это обстоятельство усугубило тяжелое отступление советских войск летом 1942 г., ибо после ряда репрессий войска стали бояться окружения больше, чем самого противника.

В приказе Сталина № 0428 от 17.11.1941 г. требовалось разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Не трудно понять, в какое положение попадало население в условиях, когда уже наступала зима.

Как ни странно, но после войны Сталина чаще всего и наиболее крикливо критиковали те руководители, которые особенно рьяно выполняли и «перевыполняли» подобные указания Сталина, отягощая тем самым их последствия. И Сталину приходилось их даже сдерживать и поправлять. Так, 10 июля 1941 г. в адрес Н. С. Хрущева была направлена телеграмма следующего содержания: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать как в армии, так и среди населения настроение обзательного отхода вместо решимости давать отпор врагу»²⁸.

При всем желании как-то понять жестокие нравы войны, трудно комментировать директиву Ставки № 39799 от 21.09.1941 г., где указывалось: «Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди себя стариков, детей от занятых районов с просьбой к большевикам сдать Ленинград. Бейте во всю по немцам и по делегатам, кто бы они не были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами».

Суровым и неоднозначным был и изданный в июле 1942 года приказ НКО № 227, ко-

торый требовал расправы с теми, кто отступал без приказа сверху, предусматривал создание заградотрядов, штрафных рот и батальонов. В обстановке, сложившейся летом 1942 г., он был вынужденным и в целом способствовал осознанию личным составом армии тяжести положения и ответственности за выполнение задач по обороне страны. Но вместе с тем было очевидно, что главной причиной отступления войск были не трусость командиров и солдат, а крупные ошибки и просчеты в стратегическом руководстве со стороны Ставки ВГК и Генштаба, поставившие войска в тяжелейшее положение.

Были и иные проявления жестокости, связанные, например, с репрессированием и переселением целых народов, с судьбой возвращающихся из плена военнослужащих и др. Не трудно представить себе, какой гнев вызовут упоминаемые выше факты у твердокаменных ортодоксов. Но они были, и отменить их уже никому не дано. Многие из этого и оправдать трудно, хотя нелегко представить себе и то, как реально должен был действовать командир, на участке действий которого идут в Ленинград фашисты под прикрытием стариков и детей. Война, конечно, явление жестокое и суровое.

Однако, если у некоторых историков, писателей хватает духа для осуждения сталинской жестокости, они начинают предавать забвению чудовищные фашистские злодеяния (из 26,5 млн наших потерь 18 млн мирных граждан, уничтоженных фашистами). А в «Аргументах и фактах» (№ 14, 2001 г.) сын Геббельса утверждает, что лагеря и печи Дахау и Освенцима построили после войны американцы и русские. Давно уже мало кто вспоминает, а многие люди нового поколения и не ведают о таких делах, как насильственное поселение в резервации на территории США десятков тысяч японцев — американских граждан — во время Второй мировой войны; о жестоком и бессмысленном уничтожении 100 тыс. мирных жителей в Дрездене американской и британской авиацией; применение атомных бомб (без всякой военной надобности) и уничтожение сотен тысяч людей в Хиросиме и Нагасаки в 1945 г. Эти жестокие акты продолжались во Вьетнаме и Югославии на глазах у всех в наше время, хотя у всех на памяти решения Нюрнбергского международного трибунала, осудившего подобную жестокость в любом проявлении.

А ангажированные однобокие подходы, когда одни жестокости осуждают (судят, например,

Милошевича), а о других предпочитают умалчивать или даже оправдывают их, только уводят в сторону от сути вопроса.

Настала пора, когда ООН, международное сообщество должны более четко определиться по этой проблеме и сказать свое веское слово.

Что касается времени Великой Отечественной войны, то нельзя согласиться и с утверждениями, что все во время войны держалось лишь на насилии и принуждении. Уже какие свирепые репрессивные меры с массовыми расстрелами принимали фашисты, но они так и не смогли покорить большинство советских людей и партизан на оккупированной территории. Вообще управлять российскими народами одним лишь насилием невозможно. Как говорил Л. Н. Толстой, «репрессиями можно угнетать народ, но управлять народом с помощью насилия нельзя».

Интересам создания жесткой структуры руководства Сталиным были подчинены и формы управления Вооруженными Силами. После Гражданской войны сама жизнь вынуждала прийти к единоначалию, как к единственно возможной и целесообразной форме военного управления. Но вопреки этому, в мае 1937 года был введен институт военных комиссаров. На основе опыта советско-финской войны в 1940 г. снова пришлось вернуться к единоначалию. Однако после первых неудач в начале Великой Отечественной войны Сталин, не доверяя командующим и командирам, снова учреждает должности военных комиссаров во всех звеньях от батальона и выше политруков в подразделениях, что еще больше осложнило управление войсками в самое трудное время. На период более одного года, когда существовал институт военных комиссаров, приходится самые тяжелые неудачи и потери Красной Армии. И не случайно уже в октябре 1942 года пришлось возвращаться к единоначалию как единственно верной форме военного управления, что во многом способствовало повышению ответственности, организованности и твердости управления войсками в боевой обстановке.

Плановая, централизованная экономика, помноженная на патриотизм и самоотверженность большинства советского народа во время войны, показали свою жизнеспособность. И Сталин в течение всей войны уделял большое внимание перестройке народного хозяйства на военный лад и организации военного производства. Несмотря на большие потери в промышленности в результате вражеской оккупации страны, Со-

ветский Союз выиграл экономическое противостояние с Германией и ее союзниками. В основном бесперебойно обеспечивалось снабжение армии продовольствием, боеприпасами и горюче-смазочными материалами.

С началом войны довольно трудно осваивалось военное искусство, в том числе искусство стратегического руководства Вооруженными Силами. Все, начиная с Верховного Главнокомандования, Генштаба и кончая командиром подразделения и солдатом, на протяжении всей войны учились воевать.

Сталина на посту Верховного Главнокомандующего неверно изображать как сугубо гражданского человека. Многолетний опыт революционера-подпольщика, активное участие в двух революциях — немало значили для закладки будущего руководителя военно-политического плана. Учесть надо и то, что Сталин, как и многие революционеры того времени, усердно изучал военную историю, военно-теоретическую литературу и в этой области был довольно знающим человеком.

Во время Гражданской войны он получил огромный опыт военно-политического руководства крупными массами войск на многих фронтах (оборона Царицына, Петрограда, на фронтах против Деникина, Врангеля, белополяков и др.), а став Генеральным секретарем — фактическим главой государства, непосредственно руководил процессом создания и строительства Советских Вооруженных Сил. Его военный опыт несопоставим с опытом Рузвельта, Черчилля или Гитлера, который тоже немало занимался военными вопросами.

Для соответствия «Наполеоновскому квадрату» он обладал незаурядным умом и волей. Хорошая память Сталина, умение быстро вникнуть в суть вопроса, сильная воля и твердый характер создавали предпосылки для проявления военного искусства. Но отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и опыта службы в регулярных войсках. Поэтому, по свидетельству Жукова и Василевского, Сталин лишь через 1–1,5 года с начала войны начал серьезно разбираться в оперативных-стратегических вопросах.

Никто не отрицает, что у Сталина была хорошая интуиция, способность быстро схватывать обстановку и разбираться в сложных вопросах. Например, Черчилля поразила быстрая и верная оценка Сталиным показанного ему плана «Торч» по высадке союзников в Северной

Африке в 1942 г. «Это замечательное заявление, — отмечал он, — произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно»²⁹.

Знавшие и близко работавшие со Сталиным авторитетные люди единодушно отмечали, что наиболее сильной его стороной, как Верховного Главнокомандующего, было его умение разбираться в сложных военно-политических вопросах, подчинять интересам политики решение экономических и стратегических вопросов. Хотя и в этой области были крупные провалы, как это случилось с определением возможных сроков нападения Германии на нашу страну. Но в последующем были сделаны и крупные позитивные шаги.

С тех пор как война стала охватывать все стороны жизни государства, объединение в одних руках политической и военной власти считалось одним из условий, благоприятствующих наиболее полной мобилизации всех экономических, моральных и военных возможностей государств для ведения войны. Стремление к этому в той или иной мере проявлялось во всех государствах в периоды Первой и Второй мировых войн, в том числе и в западных странах, таких, как, скажем, США и Англия.

В нашей стране во время Гражданской войны важнейшие вопросы обороны, в том числе наиболее принципиальные военные вопросы, решались Советом Рабочей и Крестьянской обороны. Но Ленин, возглавляя этот Совет и правительство, не брал на себя функции наркома обороны и Главнокомандующего Вооруженными Силами. Это давало определенную самостоятельность военному ведомству, хотя и в то время было немало неразберихи и согласование политических, экономических и военных усилий в ряде случаев осуществлялось с большими трудностями. До Великой Отечественной войны не были приняты определенные решения по организации военно-политического руководства страной и вооруженными силами в военное время. Но, в принципе, предполагалось, что руководство будет осуществляться примерно при таком разделении функций, как во время гражданской войны. С началом Великой Отечественной войны Нарком обороны формаль-

но стал Главнокомандующий Вооруженными Силами. Но поскольку без ведома Сталина ни одно решение не могло быть принято, вскоре он официально занял должности не только Председателя Комитета обороны, но и Наркома обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами. Такая централизация власти имела положительные стороны, позволяя максимально полно концентрировать усилия государства в интересах фронта. Но жесткая централизация и контроль превращались порою в самоцель.

Еще во время расследования причин «Пермской катастрофы» в 1918 г. Сталин поставил вопрос о том, что «Штаб армии не должен ограничиваться официальными донесениями... начдивов и начбригов, он должен иметь своих представителей — агентов, регулярно информирующих штабы и зорко следящих за точным исполнением приказов командиров»³⁰.

Контроль за исполнением приказов — важнейшая обязанность любого вышестоящего органа управления. Но излишнее нагромождение контроля порой снижало оперативность управления. Уже в первые дни войны нарком обороны С. К. Тимошенко был направлен на Западное направление, Г. К. Жуков — на Юго-Западный фронт, Б. М. Шапошников — на Западный. Были отправлены в войска для контроля и многие другие ответственные должностные лица Генштаба и Наркомата обороны, что еще больше ухудшало организацию управления в центре. В последующем представители Ставки направлялись не только для координации действий нескольких фронтов (что было оправданно), но и в отдельно действующие фронты. Даже когда в 1941 г. были созданы Главкоматы направлений, Сталин продолжал посылать своих представителей для контроля над ними. Так было в ходе всей войны.

В 1943 г. Василевский с трудом добился назначения Антонова первым замом начальника Генштаба, чтобы его постоянно кто-то замещал в Москве. Но не успел он прибыть к месту службы, Сталин отправил его в войска представителем Ставки на Воронежский фронт. В 1944 г. перед вступлением советских войск в Болгарию при 3-м Украинском фронте уже был представитель Ставки (С. К. Тимошенко), но Сталин в дополнение послал еще туда Жукова; в конце 1943 г. командующий Белорусским фронтом К. Рокоссовский был направлен представителем Ставки на 1-й Украинский фронт (к Н. Ватутину). Кроме того, существовал многочисленный

корпус представителей Генштаба, которые постоянно находились во всех органах управления до штаба дивизии включительно. Не говоря уже о многих других инспектирующих комиссиях, проверяющих типа Мехлиса, буквально терроризирующих подчиненных и дезорганизующих работу систематическими доносами представителей НКВД, особых отделов и других органов, которые в совокупности нередко создавали тягостную, нервную обстановку в системе управления войсками.

В ходе тяжелых оборонительных сражений в 1941–1942 гг. происходили частые смены командующих фронтами и армиями. Еременко в 1941 г. Западным фронтом командовал два дня, Гордов — Сталинградским фронтом в 1942 г. — неполных два месяца и т. д. Но ни один самый одаренный командующий, прибыв на фронт, не может за несколько дней не то что изменить обстановку, но даже познакомиться и овладеть ею.

К тому же Сталин практически мало бывал в действующей армии, а без личного общения с теми, кто выполняет боевую задачу, по одним лишь донесениям и телефонным докладам невозможно понять и прочувствовать во всей глубине все особенности складывающейся обстановки. Правда, этот изъян в стратегическом руководстве компенсировался частыми основательными выездами на фронты Г. К. Жукова, А. М. Василевского, других представителей Ставки ВГК. Но никто не может заменить личного восприятия обстановки.

Главная беда Сталина, как и других политических деятелей (как, например, К. Е. Ворошилова, Н. А. Булганина, Д. Ф. Устинова) состояла в том, что они, не зная войсковой жизни, не имея опыта управления ими, совершенно не представляли себе, как в действительности могут происходить их действия после принятия политических решений, и отсюда — нередкие случаи постановки войскам нереальных задач. Таким людям кажется, что как только он скажет, армия сразу же и развернется для отражения агрессии с началом войны или в ходе войны по любому телефонному звонку можно перейти в наступление или нанести контрудар, не понимая, что на это требуется определенное время. Эти порочные пережитки в руководстве войсками оказались живучими, и со случаями постановки войскам нереальных задач пришлось столкнуться и в Афганистане и в Чечне.

Сталин придерживался активной наступательной стратегии, хотя в теории признавал

и правомерность отступления, когда это требуется по обстановке. Он высказывал даже правильные слова о недопустимости огульного наступления, необходимости закрепления успехов. Но на деле культ наступления был доведен у него до крайностей, когда стратегическая оборона рассматривалась как что-то низменное и недостойное советского военного искусства, что явилось одной из причин наших поражений в 1941 и летом 1942 гг.

Одним из коренных положений теории и практики военного искусства, которых придерживался Сталин, был тезис о решающем значении выбора главного удара для успеха в любой операции. Его теоретические суждения о необходимости учета при выборе направления главного удара политических, экономических и военных аспектов обстановки, изложенные наиболее полно в его предложениях по разгрому Деникина 1919 г. в принципе были вполне резонными. Но и это положение было превращено в догмат. В частности, было большим преувеличением: правильный выбор направления главного удара на три четверти предопределяет успех операции.

Опыт войны показал, что наряду с обособленным решением (в том числе выбором направления сосредоточения главных усилий), постановкой реальных задач войскам, главными факторами, обеспечивающими успех, были достижение скрытности и тщательности организации боевых действий и их всестороннего боевого, материального и технического обеспечения, твердого управления войсками в ходе боя и операции. На практике же Сталину ни в 1941, ни в 1942 гг. не удалось правильно определить направление главного удара противника и соответственно направления для сосредоточения основных усилий своих войск. В последующие годы войны Ставке ВГК во главе со Сталиным, как правило, удавалось изыскать наиболее выгодные направления для ударов с решительным сосредоточением основных усилий на решающих участках фронта.

Разработка и практическое применение новых эффективных способов вооруженной борьбы, новаторское решение многих других проблем военного искусства явились результатом творчества Ставки ВГК, Генштаба, командующих видами ВС и родов войск, командующих, командиров и штабов фронтов, армий, соединений, частей и подразделений.

Но неправомечно говорить о том, что все это творчество в области военного искусства

было осуществлено помимо или даже вопреки Сталину, хотя бы потому, что без его ведома и согласия решения по таким вопросам и не могли приниматься. Следует сказать и о том, что война требовала ответственного отношения к военной теории. Попытки не считаться с накопленным опытом, с выработанными на его основе теоретическими рекомендациями очень быстро давали о себе знать неудачами на фронте. С этим объективным обстоятельством был вынужден считаться и Сталин. Во второй половине войны он стал глубже вникать в детали подготовки и ведения операций. В оценке Сталина как Верховного Главнокомандующего более уместно, видимо, полагаться на авторитетных лиц, которые близко с ним работали на протяжении всей войны.

Как рассказывал Г. К. Жуков, «идти на доклад в Ставку, к Сталину, скажем с картами, на которых были хоть какие-то „белые пятна“, сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные — было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности. У него было какое-то особое чутье на слабые места в докладах и документах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал с виновных»³¹.

И далее: «В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере политики; и чем в более прямое взаимодействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них... его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявил себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения»³².

И, может быть, наиболее краткую, но правдивую объемную характеристику Сталину дал А. М. Василевский: «О Сталине как о военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военные решения»³³.

Известный писатель-фронтовик В. В. Карпов в своей интересной книге «Генералиссимус» пишет: «После смерти Сталина появилась версия

о том, что он никогда никого не слушал и единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя. Если Сталину докладывали вопросы со знанием дела — он слушал. И бывали случаи, когда он отказывался от своих собственных мнений и решений»³⁴. Так категорично — «никогда никого не слушал» — мало кто из серьезных историков и писателей мог утверждать.

Г. К. Жуков, А. М. Василевский и другие, близко работавшие со Сталиным люди, писали, что в первый период войны (по крайней мере, до Сталинграда) Сталин в ряде случаев действительно не прислушивался к советам и предложениям, которые делались членами Ставки, Генштабом, командующими войсками фронтов. И вряд ли стоит ставить это под сомнение. Тем более, что кроме этих авторитетных свидетельств есть неопровержимые факты истории. Уже говорилось, что накануне войны Сталиным не были приняты многократные предложения наркома обороны, Генштаба, командующих войсками округов о повышении боевой готовности войск приграничных военных округов. С началом войны не согласился с отводом войск Юго-Западного фронта за р. Днепр. Весной 1942 г. отклонил предложения о переходе к стратегической обороне и т. д. Все это было и без учета этих фактов объективно судить о Сталине невозможно. Как нельзя отрицать и того, что в последующем Сталин стал вести себя по-иному. И об этом тоже можно судить не только по словам тех или иных свидетелей, но и прежде всего по результатам успешно проведенных операций в 1943–1945 гг.

Сталина, как и любую другую историческую личность, неправомерно рассматривать в застывшем виде. Суровая действительность войны ломала и изменяла многое, в том числе и самые крупные исторические личности. Довольно усердно проходил тяжкую школу войны и Сталин. В связи с этим представляется весьма достоверным и искренним эпизод беседы А. М. Василевского с К. Е. Ворошиловым в марте 1944 года.

«Если Сталин был чем-либо недоволен, — писал А. Василевский, — а в войну, особенно в ее начале, поводов для этого имелось много, он мог резко и несправедливо отругать. Но в ходе войны он заметно изменился. К нам, работникам Генштаба и главных управлений Наркомата обороны, командующим фронтами, стал относиться сдержаннее, спокойнее, даже тогда, когда на

фронте что-то случалось неладное. Встречаться с ним стало гораздо проще, чем раньше. Видимо, война, ее повороты, наши неудачи и успехи оказали влияние на характер Сталина.

В последних числах марта 1944 года я встретился с ним в Мелитополе, чтобы решить вопросы, связанные с взаимодействием войск 4-го Украинского фронта с войсками Отдельной Приморской армии, где К. Е. Ворошилов являлся представителем Ставки. Когда все вопросы были решены, мы остались с Климентом Ефремовичем наедине у него в вагоне и разговорились на разные темы, в том числе о характере Сталина. Вечер был теплый, тихий, и погода, да и обстановка на фронте располагали к „душевной“ беседе, и Климент Ефремович довольно охотно отвечал на мои вопросы. Когда я спросил: неужели нельзя было раньше высказывать Сталину в необходимых случаях свои возражения, ведь сейчас, в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не только не отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается.

Точно так же и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, и Сталин считается с нами.

Климент Ефремович, подумав, ответил:

— Раньше Сталин был не таким. Наверное, война научила его многому. Он, видимо, понял, что может ошибаться и его решения не всегда могут быть самыми лучшими и что знания и опыт других могут также быть полезными. Сказались на Сталине и годы: до войны он был моложе и самоувереннее...»³⁵. Эти откровения К. Ворошилова подтверждаются не только многими другими авторитетными свидетельствами, но и всем ходом событий во время войны.

Важную роль играли выступления Сталина, приказы и директивы Ставки ВГК, в которых личному составу армии и всему народу разъяснялись цели и характер освободительной войны, разоблачались захватнические цели фашистской Германии, вскрывались достижения и недостатки в практике военных действий, обобщался боевой опыт, ставились задачи по совершенствованию способов подготовки и ведения бое-

вых действий и операций, применения оружия и военной техники, повышению морального духа войск и воинской дисциплины. Вообще Сталиным, партийными организациями, политорганами была проведена огромная работа по формированию оборонного сознания народа, патриотизма советских людей и высокого морального духа Армии и Флота.

Большая работа проводилась Сталиным по руководству партизанским движением, активизации антифашистского движения в оккупированных странах.

В целом, страна и Вооруженные Силы во время войны твердо управлялись. Поэтому нельзя дело изображать так, как это иногда делается, будто все происходило чуть ли не стихийно и мы одолевали врага вопреки всякому руководству. Но бесспорно и то, что именно самоотверженные усилия народа на фронте и в тылу, его преданность своему Отечеству во многом компенсировали издержки руководства, особенно в начале войны и, в конечном счете, обеспечили достижение победы.

С учетом всего изложенного, в зеркале истории нам нужно видеть не лубочного, а живого Сталина со всеми его достоинствами и огрехами. Подводя итог, можно сказать, что главное в деятельности Сталина на посту Верховного Главнокомандующего во время Великой Отечественной войны состояло в том, что Советское государство именно под руководством Сталина разгромило фашистскую Германию, империалистическую Японию и избавило свои народы, Европу и все человечество из-под угрозы фашистского порабощения. На совести Сталина непростительная жестокость, особенно перед войной, серьезные ошибки и просчеты, которые, как он сам говорил, доводили страну до моментов отчаянного положения. Но невозможно отрицать и того, что во многом благодаря его мобилизующей роли, организаторским способностям, его усилиям, поддержанным большинством народа, нашей стране удалось выстоять в невероятно трудной, ожесточенной борьбе с сильным противником и прийти к Великой Победе.

Да, есть горячие головы, которые призывают перечеркнуть его имя в истории. Но это невозможно. Несмотря на всю сложную противоречивость его личности и деяний, своими главными делами, свершениями во благо своего народа и всего человечества, Сталин войдет в историю как выдающийся государственный и военный деятель.

Из записей, сделанных дежурными секретарями о посетителях
И. В. Сталина с 21 по 28 июня 1941 г.*

21 июня 1941 г.

		ВХОД	ВЫХОД
1.	т. Молотов	18:27	23:00
2.	т. Ворошилов	19:05	23:00
3.	т. Берия	19:05	23:00
4.	т. Вознесенский	19:05	20:15
5.	т. Маленков	19:05	22:20
6.	т. Кузнецов	19:05	20:15
7.	т. Тимошенко	19:05	20:15
8.	т. Сафонов	19:05	20:15
9.	т. Тимошенко	20:50	22:20
10.	т. Жуков	20:50	22:20
11.	т. Буденный	20:50	22:00
12.	т. Мехлис	21:55	22:20
13.	т. Берия	22:40	23:00

Последние вышли в 23:00

22 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	5:45	12:05
2.	т. Берия	5:45	9:20
3.	т. Тимошенко	5:45	8:30
4.	т. Мехлис	5:45	8:30
5.	т. Жуков	5:45	8:0
6.	т. Маленков	7:30	9:20
7.	т. Микоян	7:55	9:30
8.	т. Каганович	8:00	9:35
9.	т. Ворошилов	8:00	10:15
10.	т. Вышинский	7:30	10:40
11.	т. Кузнецов	8:15	8:30
12.	т. Димитров	8:40	10:40
13.	т. Мануильский	8:40	10:40
14.	т. Кузнецов	9:40	10:20
15.	т. Микоян	9:50	10:30
16.	т. Молотов	12:25	16:45
17.	т. Ворошилов	11:40	12:05
18.	т. Берия	11:30	12:00
19.	т. Маленков	11:30	12:00
20.	т. Ворошилов	12:30	16:45
21.	т. Микоян	12:30	14:30
22.	т. Вышинский	13:05	15:25
23.	т. Шапошников	13:15	16:00

24.	т. Тимошенко	14:00	16:00
25.	т. Жуков	14:00	16:00
26.	т. Ватугин	14:00	16:00
27.	т. Кузнецов	15:20	15:45
28.	т. Кулик	15:30	16:00
29.	т. Берия	16:25	16:45

Последние вышли в 16:45

23 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	3:20	6:25
2.	т. Ворошилов	3:25	6:25
3.	т. Берия	3:25	6:25
4.	т. Тимошенко	3:30	6:10
5.	т. Ватугин	3:30	6:10
6.	т. Кузнецов	3:45	5:25
7.	т. Каганович	4:30	5:20
8.	т. Жигарев	4:35	6:10

Последние вышли в 6:25

23 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	18:45	1:25
2.	т. Жигарев	18:25	20:45
3.	т. Тимошенко	18:50	20:45
4.	т. Меркулов	19:10	19:25
5.	т. Ворошилов	20:00	1:25
6.	т. Вознесенский	20:50	1:25
7.	т. Мехлис	20:55	22:40
8.	т. Каганович	23:15	1:10
9.	т. Ватугин	23:55	0:55
10.	т. Тимошенко	23:55	0:55
11.	т. Кузнецов	23:55	0:50
12.	т. Берия	24:00	1:25
13.	т. Власик	0:50	0:55

Последние вышли в 1:25 мин 24.VI.41 г.

24 июня 1941 г.

1.	т. Малышев	16:20	17:00
2.	т. Вознесенский	16:20	17:05
3.	т. Кузнецов	16:20	17:05
4.	т. Кизаков (Лен.)	16:20	17:05
5.	т. Зальцман	16:20	17:05
6.	т. Попов	16:20	17:05
7.	т. Кузнецов (Кр.М.Фл.)	16:45	17:00
8.	т. Берия	16:50	20:25
9.	т. Молотов	17:05	21:30

10.	т. Ворошилов	17:30	21:10
11.	т. Тимошенко	17:30	20:55
12.	т. Вагугин	17:30	20:55
13.	т. Шахурин	20:00	21:15
14.	т. Петров	20:00	21:15
15.	т. Жигарев	20:00	21:15
16.	т. Голиков	20:00	21:20
17.	т. Щербаков	18:45	20:55
18.	т. Каганович	19:00	20:35
19.	т. Супрун	20:15	20:35
20.	т. Жданов	20:55	21:30

Последние вышли в 21:30

25 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	1:00	5:50
2.	т. Щербаков	1:05	4:30
3.	т. Пересыпкин	1:07	1:40
4.	т. Каганович	1:10	2:30
5.	т. Берия	1:15	5:25
6.	т. Меркулов	1:35	1:40
7.	т. Тимошенко	1:40	5:50
8.	т. Кузнецов	1:40	5:50
9.	т. Вагугин	1:40	5:50
10.	т. Микоян	2:10	5:30
11.	т. Мехлис	1:20	5:20

Последние вышли в 5:50

25 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	19:40	1:15
2.	т. Ворошилов	19:40	1:15
3.	т. Малышев	20:05	21:10
4.	т. Берия	20:10	21:10
5.	т. Соколов	20:10	20:55
6.	т. Тимошенко	20:20	24:00
7.	т. Вагугин	20:20	21:10
8.	т. Вознесенский	20:25	21:10
9.	т. Кузнецов	20:30	21:40
10.	т. Федоренко	21:15	24:00
11.	т. Каганович	21:45	24:00
12.	т. Кузнецов	21:50	24:00
13.	т. Вагугин	22:10	24:00
14.	т. Щербаков	23:00	23:50
15.	т. Мехлис	20:10	24:00
16.	т. Берия	00:25	1:15

17.	т. Вознесенский	00:25	1:00
18.	т. Вышинский	00:35	1:00

26 июня 1941 г.

1.	т. Каганович	12:10	16:15
2.	т. Маленков	12:40	16:10
3.	т. Буденный	12:40	16:10
4.	т. Жигарев	12:40	16:10
5.	т. Ворошилов	12:40	16:30
6.	т. Молотов	12:50	16:50
7.	т. Вагутин	13:00	16:00
8.	т. Петров	13:15	16:10
9.	т. Ковалев	14:00	14:10
10.	т. Федоренко	14:10	15:30
11.	т. Кузнецов	14:50	16:10
12.	т. Жуков	15:00	16:10
13.	т. Берия	15:10	16:20
14.	т. Яковлев	15:15	16:00
15.	т. Тимошенко	13:00	16:10
16.	т. Ворошилов	17:45	18:25
17.	т. Берия	17:45	19:20
18.	т. Микоян	17:50	18:20
19.	т. Вышинский	18:00	18:10
20.	т. Молотов	19:00	23:20
21.	т. Жуков	21:00	22:00
22.	т. Ватутин	21:00	22:00
23.	т. Тимошенко	21:00	22:00
24.	т. Ворошилов	21:00	22:10
25.	т. Берия	21:11	22:30
26.	т. Каганович	21:05	22:45
27.	т. Щербаков	22:00	22:10
28.	т. Кузнецов	22:00	22:20

27 июня 1941 г.

1.	т. Вознесенский	16:30	16:40
2.	т. Молотов	17:30	18:00
3.	т. Микоян	17:45	18:00
4.	т. Молотов	19:35	19:45
5.	т. Микоян	19:35	19:45
6.	т. Молотов	21:25	24:00
7.	т. Микоян	21:25	2:35
8.	т. Берия	21:25	23:00
9.	т. Маленков	21:30	00:47
10.	т. Тимошенко	21:30	23:00

Том VIII. Руководитель

11.	т. Жуков	21:30	23:00
12.	т. Ватутин	21:30	23:50
13.	т. Кузнецов	21:30	23:30
14.	т. Жигарев	22:05	0:45
15.	т. Петров	22:05	0:45
16.	т. Сококоверов	22:05	0:45
17.	т. Жаров	22:05	0:45
18.	т. Никитин	22:05	0:45
19.	т. Титов	22:05	0:45
20.	т. Вознесенский	22:15	23:40
21.	т. Шахурин	22:30	23:10
22.	т. Дементьев	22:30	23:10
23.	т. Щербаков	23:25	24:00
24.	т. Шахурин	0:40	0:50
25.	т. Меркулов	1:00	1:30
26.	т. Каганович	1:10	1:35
27.	т. Тимошенко	1:30	2:35
28.	т. Голиков	1:30	2:35
29.	т. Берия	1:30	2:35
30.	т. Кузнецов	1:30	2:35

28 июня 1941 год

1.	т. Молотов	19:35	00:50
2.	т. Маленков	19:35	23:10
3.	т. Буденный	19:35	19:50
4.	т. Меркулов	19:45	20:05
5.	т. Булганин	20:15	20:20
6.	т. Жигарев	20:20	22:10
7.	т. Петров	20:20	22:10
8.	т. Булганин	20:40	20:45
9.	т. Тимошенко	21:10	23:10
10.	т. Жуков	21:30	23:10
11.	т. Голиков	21:30	22:55
12.	т. Кузнецов	21:50	23:10
13.	т. Кабанов	22:00	22:10
14.	т. Стефановский	22:00	22:10
15.	т. Супрун	22:00	22:10
16.	т. Берия	22:40	01:50
17.	т. Устинов	22:55	23:10
18.	т. Яколев из ГАУ НКО	22:55	23:10
19.	т. Щербаков	22:10	23:30
20.	т. Микоян	23:30	00:50
21.	т. Меркулов	24:00	00:15

Последние вышли в 00:50

- 1 Полководцы, М., 1995. С. 31.
- 2 Персонаж из пьесы Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина», про которого на похоронах говорили, что он в отличие от других людей, ходил на демонстрациях не за знаменем, а **впереди** знамени и был во всем настолько передовой, что никто не мог сказать, кто идет впереди прогресс или Тарелкин.
- 3 Завтра. 1997. № 14.
- 4 Военно-исторический журнал, 1990, № 10. С. 22.
- 5 Там же. С. 23.
- 6 Churchill W. The Second world war. Vol. 1. P. 449.
- 7 Военно-исторический журнал, 1990, № 10. С. 19.
- 8 Начальный период войны. М., 1974. С. 179.
- 9 Военно-исторический журнал, 1965. № 1.
- 10 Военно-историческим журнал, № 1. С. 86.
- 11 Совершенно секретно. Только для командования. Документы и материалы. С. 149.
- 12 Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 7.
- 13 ЦГАОР, ф. 8418, оп. 25, д. 199, лл. 1–5.
- 14 ЦГАСА, ф. 25880, д. 4, л. 4.
- 15 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 357.
- 16 Военно-исторический журнал. 1987, № 9. С. 54.
- 17 Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., ТОО «Гей» 1996. С. 144.
- 18 «Новая и новейшая история». 1994, № 6. С. 198.
- 19 Военно-исторический журнал. 1997, № 4. С. 34–36.
- 20 Архив МО, ф. ПрибВО, оп. 680086, д. 7, л. 437.
- 21 Соловьев Б. Суходеев В. Полководец Сталин. М., 2001. С. 52.
- 22 Гудериан Гейнц. Воспоминания. М., 1954. С. 146–147.
- 23 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997. С. 30.
- 24 Военно-исторический журнал. № 5, 2002. С. 40.
- 25 ЦАМО, ф. 132А, по. 2642, д. 41, лл. 75–81.
- 26 Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 22.
- 27 Соловьев В. Г. Вермахт на пути к гибели. М., 1973. С. 46–48.
- 28 Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207.
- 29 Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 478.
- 30 Сталин И. В. Сочинения. 1953. Т. 4. С. 212.
- 31 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 294.
- 32 Симонов К., Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 358, 372.
- 33 Там же. С. 451.
- 34 Карпов В. В. Генералиссимус. М., 2002. С. 101.
- 35 Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 549–550.